

ТИБЕТ

правда, основанная на фактах

Издание Департамента информации и международных отношений Центральной тибетской администрации Его Святейшества Далай-ламы

Дхарамсала
1993

Москва
1994

Предисловие

Поскольку интерес международной общественности к проблеме Тибета значительно вырос, растет и спрос на информацию по этому вопросу. Мир не находится более в политическом конфликте, навязанном ему двумя сверхдержавами периода «холодной войны», и теперь официальные и неофициальные политики могут еще раз обратиться и к другим животрепещущим проблемам, таким как, например, проблема Тибета. Сейчас многие правительства основательно меняют свою внешнюю политику, и им следовало бы пересмотреть и свое отношение к Тибету в соответствии с новой политической реальностью, сложившейся после окончания «холодной войны». Действия парламентов и резолюции конференций, обращающие внимание на положение прав человека в Тибете и его политическую причину, а также стремление многих стран снова поднять проблему Тибета в ООН натолкнулись на сильное сопротивление со стороны правительства Китая. Одной из реакций следует рассматривать активную пропаганду правительства Китая в духе сталинизма и маоизма, нацеленную на то, чтобы убедить всех в его праве управлять Тибетом и в великом благе, которое несет это управление тибетскому народу. Настоящий документ — «Тибет: правда, основанная на фактах», предназначен для удовлетворения потребности в краткой информации по ключевым сторонам тибетской проблемы и в то же время он должен послужить ответом на китайскую пропаганду и особенно на «Белую книгу» под названием «Тибет: его принадлежность и права человека». Тибетское правительство в эмиграции не считает для себя возможным отвечать на каждую выдумку китайской пропаганды. Но, поскольку истина на стороне тибетского народа, тибетцы чувствуют потребность время от времени обращаться напрямую к фактам. Мы верим, что это в конце концов поможет достичь торжества правды и справедливости. Эта публикация затрагивает много сторон проблемы: коренной вопрос о статусе Тибета; законность притязания на него Китая и право тибетского народа на самоопределение; «Соглашение из 17 пунктов» и его отражение на статусе Тибета; события, приведшие к сопротивлению китайскому правлению, и бегство Далай-ламы в Индию; общественное устройство Тибета до китайской оккупации и демократические реформы, предложенные Далай-ламой; права человека в оккупированном Тибете; попрание религиозной свободы; условия жизни в Тибете и колониализм; демографические процессы и контроль над ними; природа Тибета; проблемы милитаризации Тибета; попытки решения проблемы Тибета.

Одна из сторон проблемы Тибета получила недостаточное освещение раньше, хотя это очень важно для понимания многого, что происходит в Тибете сегодня. Имеется в виду колониалистское правление Китая.

Мы склонны отождествлять колониализм с европейской колониальной экспансией двух прошедших столетий. Но, как указывали в ходе дебатов на Генеральной Ассамблее ООН по тибетскому вопросу представители малазийского, ирландского и других правительств, колониализм во всех своих проявлениях должен быть искоренен независимо от того, действует ли он на Западе или на Востоке.

Сами китайцы говорят о Тибете как о колонии, считая, что он не часть собственно Китая, а является не китайской территорией, которой Китай имеет право владеть и эксплуатировать

на основании отношений, существовавших 700, в лучшем случае 200 последних лет. Эта позиция уже очевидна из названия «Белой книги» китайского правительства, которое заявляет о «владении» Тибетом. Если бы Тибет действительно был неотъемлемой частью Китая в течение столетий, как утверждают китайцы, то Тибет не мог бы быть объектом «владения» страны, частью которой он уже является. Само понятие «владение» Китая Тибетом, в сущности, колониалистское и империалистическое.

Колониализм имеет много существенных черт, которые изобилуют в китайском управлении Тибетом.

К наиболее общим чертам колониализма мы относим:

- господство иностранной власти;
- достижение и поддержание контроля посредством неравноправного договора, опоры на армию, колониальную администрацию и экономический прессинг;
- неприятие иностранного господства колонизированным народом в активных и пассивных формах;
- репрессии против сопротивляющихся колониальному режиму;
- шовинизм и дискриминация в отношении коренного населения;
- навязывание колонии чуждых ценностей, провозглашаемых при этом цивилизаторскими;
- навязывание экономических программ развития и эксплуатация природных ресурсов, выгодных только метрополии;
- переселение граждан метрополии в колонию и другие формы демографической политики;
- маниакальное желание удержать колонию, несмотря на политические и экономические издержки.

Большинство из этих атрибутов колониализма обсуждается в нашем документе. Подобные вопросы рассматриваются и в китайской «Белой книге», правда с позиции империализма и колониализма, на которой стоит китайское правительство.

Содержание

Статус Тибета

Вторжение и незаконная аннексия Тибета (1949— 1951 гг.)

Народное восстание

Традиционное общественное устройство Тибета и демократические основы его будущего

Права человека

Социально-экономические условия жизни и колониализм

Религия и национальная самобытность тибетцев

Перемещение населения и контроль над демографическими процессами

Состояние природы Тибета

Милитаризация и мир в регионе

Поиски решения

Статус Тибета

Введение

Ко времени оккупации Тибета войсками Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в 1949 году наша страна была независимым государством и *de facto*, и *de jure*. И военное вторжение означало агрессию против суверенного государства, грубо нарушавшую международное право. Продолжающаяся сегодня оккупация Китаем Тибета, опирающаяся на штыки нескольких сотен тысяч солдат, представляет собой открытое насилие над международным правом и над неотъемлемым правом тибетского народа на независимость.

Китайское коммунистическое правительство провозгласило, что оно обладает правом на «владение» Тибетом. Но провозгласило, основываясь не на своем завоевании в 1949 году, и не на эффективном контроле над Тибетом с тех пор или с 1959 года. Не утверждает китайское правительство свое право на «владение» и на основе так называемого «Соглашения о мирном освобождении Тибета из 17 пунктов», навязанного Тибету в 1951

году. Вместо этого в своем официальном заявлении Китай апеллирует к историческим отношениям в основном монголов или маньчжуров с тибетскими ламами или, в меньшей мере, китайских правителей и тибетских лам. Основные события, к которым обращаются китайцы, произошли несколько сот лет назад, во времена кульминации монгольской экспансии, когда монгольские императоры распространили свое политическое господство почти по всей Азии и на больших территориях Восточной Европы, когда маньчжурские императоры управляли Китаем и распространили свое влияние на Восточную Европу и Центральную Азию, включая и Тибет, особенно интенсивно это происходило в восемнадцатом столетии. Не подлежит сомнению, что на протяжении своей большой истории в различные времена Тибет находился под иностранным влиянием монголов, непальцев, маньчжурских императоров и британских правителей Индии. В другие времена своей истории Тибет сам пробовал свою силу и влияние на соседях, включая и Китай. Трудно было бы сегодня найти какое-либо государство в мире, которое бы не было под иностранным господством или влиянием в какой-нибудь период своей истории. В случае с Тибетом степень и продолжительность иностранного влияния и вмешательства были довольно ограниченными. Более того, отношения с монгольскими, китайскими и маньчжурскими правителями в той степени, в которой они имели политическое значение, имели всегда личностную основу, но никогда не подразумевали союз или интеграцию тибетского государства с китайским.

Сколько бы ни была привлекательной древняя история Тибета, его положение ко времени китайского вторжения может быть, конечно, определено только на основе фактов современной истории, особенно на основе его отношения с Китаем начиная с 1911 года, когда китайцы свергли иностранное маньчжурское правление и стали хозяевами своей страны.

Каждая страна может обратиться к некоторому периоду своей истории: чтобы обосновать свои территориальные притязания к соседним государствам. Но это неприемлемо для международного права и практики. Читатель китайской «Белой книги», имеющей название «Тибет: принадлежность и права человека», будет поражен тем, насколько авторам удалось игнорировать тибетскую историю первой половины XX века. Это потому, что начиная с 1911 года вплоть до полной оккупации Тибета в 1951 году нет ни одного свидетельства китайского господства или влияния, которые бы подтвердили претензию Китая. Фактически, все явно свидетельствует о противоположном — о том, что, в сущности, Тибет был суверенным государством, не зависимым от Китая. Этот вывод получил поддержку большинства юристов и экспертов по данной проблеме. Комитет по соблюдению законности в Тибете Международной комиссии юристов сообщил в своем докладе по правовому статусу Тибета:

«С 1913 по 1950 год Тибет обладал всеми признаками государственности в соответствии с международным правом. В 1950 году там был народ и территория, и правительство, которое управляло этой территорией, ведя свои внутренние дела независимо от внешнего влияния. С 1913 по 1950 год внешние отношения Тибета определялись исключительно правительством Тибета, и страны, которые взаимодействовали с Тибетом, как показывают официальные документы, рассматривали Тибет как независимое государство». [*Tibet and Chinese People's Republic*. Geneva, 1960. P. 5, &]

Сорок лет независимости—это достаточный для страны срок, чтобы ее можно было рассматривать таковой в мировом сообществе. Многие сегодняшние члены ООН были независимыми такой или более короткий период. Но в случае с Тибетом даже его древняя история была выбо-рочно переписана пропагандистской машиной китайского правительства с целью отстоять провозглашенное «владение». Таким образом, даже если нет необходимости в обсуждении ранней истории Тибета, но для того, чтобы понять его статус накануне китайского вторжения, мы полагаем, было бы полезно вспомнить ее вкратце, с тем, чтобы привести прямое свидетельство.

Статус Тибета: 1911—1951 гг.

Может быть, недостаточен тот аргумент, что накануне китайского военного вторжения, которое началось в конце 1949 года, Тибет обладал всеми атрибутами государства в соответствии с международным правом: установленная границами территория, население, проживающее на ней, правительство со способностью вступать в международные отношения?

Территория Тибета практически соответствует Тибетскому плато площадью 2,5 миллиона квадратных километров. В разное историческое время велись войны и подписывались договоры о границах.

Население Тибета ко времени китайского вторжения составляло приблизительно

шесть миллионов человек. Это население и образовывало тибетский народ с особой историей, богатой культурой и духовными традициями. Тибетцы как народ отличаются от китайцев и других соседних народов. Не только тибетцы никогда не считали себя китайцами, но и китайцы также никогда не считали их таковыми (отсюда, например, ссылки на «варваров» в китайских исторических летописях).

Правительство Тибета размещалось в Лхасе, столице Тибета. Оно состояло из главы государства (Далай-лама), Кабинета министров (Кашага), Национальной ассамблеи (Цонгду) и выборной бюрократии для управления обширной территорией Тибета. Судебная власть была создана и развита Сонгценом Гампо (VII век), Джангчуб Гьялценом (XIV столетие). Пятым Далай-ламой (XVII век) и Тринадцатым Далай-ламой (XX век) и осуществлялась судьями, которых назначало правительство.

Правительство Тибета собирало налоги, выпускало деньги, управляло государственной почтой и выпускало почтовые марки, командовало небольшой армией страны и в общем само вело все свои дела. Это была старая форма правления, которая хорошо обеспечивала нужды Тибета в прошлом, но ей необходима была реформа, для того чтобы страна могла идти в ногу со значительными политическими, социальными и экономическими изменениями, которые произошли в мире. Тибетская форма правления характеризовалась сильной децентрализацией: значительное количество районов и княжеств Тибета пользовались большой самостоятельностью в управлении. Это было неизбежным из-за обширной территории страны и из-за отсутствия развитых коммуникаций.

Международные отношения Тибета были сфокусированы на соседних странах. Тибет поддерживал дипломатические отношения с Непалом, Бутаном, Сиккимом, Монголией, Китаем, Британской Индией и, ограниченный период, с Россией и Японией. Независимая внешняя политика Тибета наиболее наглядно, возможно, была продемонстрирована нейтралитетом страны во время второй мировой войны. Несмотря на сильное давление Великобритании, США и Китая с целью достигнуть разрешения от Тибета провезти по его территории военные поставки, в то время как Япония блокировала «бирманскую дорогу», Тибет твердо придерживался объявленного нейтралитета, который союзники были вынуждены уважать.

Китай декларирует сегодня, что «ни одна страна никогда не признавала Тибет». По международному праву, признание может быть получено посредством открытого акта признания или подразумеваться в действиях. Заключение договоров, даже ведение переговоров и, конечно, поддержание дипломатических отношений—все это есть формы признания. Монголия и Тибет заключили договор о взаимном признании в 1913 году, Непал не только заключал мирные договоры с Тибетом, но и имел посла в Лхасе, а также заявил в ООН в 1949 году, при вступлении в эту организацию, что он поддерживает независимые дипломатические отношения с Тибетом, такие же, как и с несколькими другими странами—Великобританией, США, Индией и Бирмой.

Непал, Бутан, Британия, Китай и Индия сохраняли дипломатические миссии в столице Тибета, Лхасе. Хотя Китай в своей пропаганде утверждает, что его миссия в Тибете была отделением так называемой Комиссии по делам Тибета и Монголии гоминьдановского правительства, тибетское правительство рассматривало ее исключительно как дипломатическое представительство. Его статус был ничуть не выше, чем статус непальского посольства или британской миссии (Непал имел полномочного посла или «вакила» в Лхасе). Тибетское внешнеполитическое ведомство также имело ограниченные отношения с Соединенными Штатами, когда президент Ф. Рузвельт послал эмиссаров в Лхасу с просьбой помочь союзническим усилиям против Японии во время второй мировой войны. Также во время четырех обсуждений тибетской проблемы на Генеральной Ассамблее ООН в 1959, 1960, 1961 и 1965 годах многие страны специально указывали на Тибет как на независимую страну, незаконно оккупированную Китаем.

Отношения с националистическим Китаем

Китайская позиция в период с 1911 по 1946 годы была двусмысленной. С одной стороны, националистическое правительство односторонне заявляло в своей конституции

и сообщениях другим странам, что Тибет является провинцией Китайской Республики (одной из «пяти рас» республики). С другой стороны, оно признавало в своих официальных контактах с правительством Тибета, что Тибет не является частью Китайской Республики. И китайский президент неоднократно посылал письма и посланников к Далай-ламе и тибетскому правительству, предлагая «соединиться с Китайской Республикой». Подобные предложения посылались Китаем и правительству Непала. И Тибет, и Непал постоянно отвергали присоединение к Китаю. В ответе на первое письмо китайского президента Юань Шихая Тринадцатый Далай-лама отверг предложение соединиться с республикой, объясняя вежливо, но уверенно, что тибетцы «не признают» китайское правительство, помня о несправедливостях в прошлом, и заявил:

«Республика (Китай. — Пер.) провозглашена совсем недавно и фундамент нации еще достаточно слаб. Президенту следовало бы приложить свои силы к укреплению порядка в своей стране. Что касается тибетцев, то они абсолютно способны сохранить свое существование нерушимым, и нет необходимости Президенту беспокоиться и расстраиваться». [*Guomin Gongbao*. 1913. 6 Jan.]

В «Белой книге» приводится цитата Тринадцатого Далай-ламы, сказавшего «посланнику из Пекина» в 1919 году следующее: «Моим намерением не является тайное соглашение с британцами... Я клянусь быть преданным нашей стране и сообща работать на благо пяти рас». В том же году неофициальная показная делегация прибыла в Лхасу как бы для того, чтобы сделать религиозные подношения Тринадцатому Далай-ламе, но на самом деле — чтобы убедить тибетского лидера вести переговоры по соглашению с Китаем. Однако Далай-лама гласно отверг это предложение и вместо этого призвал к трехсторонним переговорам в Лхасе.

Ли Ма-дзин, женщина из тибето-китайской семьи, прибыла в Лхасу в 1936 году. Ее визит рассматривался как частный. Она также пыталась передать тибетскому правительству предложения китайского президента. Но тибетцы не поддержали ее усилий. В китайской «Белой книге» утверждается, что Далай-лама в своих сообщениях через нее признал, что Тибет — часть Китая. В приведенной цитате говорится: «Мое величайшее желание—это действительный мир и объединение Китая» и т. д. Но письменных свидетельств, что Далай-лама делал подобные заявления в 1930 году, нет. Наоборот, официальный отчет об ответе Далай-ламы китайскому президенту в 1930 году противоречит этому заявлению. В отчете упоминается список из восьми вопросов, переданных Далай-ламе от имени президента Китая, и содержатся все ответы Далай-ламы.

По поводу отношений с Китаем и китайского влияния в Тибете Далай-лама заявил:

«Для стабильности религиозно-политического порядка в Тибете и счастья его подданных лучше бы было провести переговоры и заключить договоры, поскольку это будет иметь результатом надежные договоренности».

Относительно же независимости Тибета и о приграничных территориях, занятых Китаем, которые Тибет хотел вернуть себе обратно, Далай-лама сказал:

«Имея отношения [с Китаем. — Пер.] как духовный наставник с милостьюнедателем, Тибет обладал большой независимостью. Мы хотим сохранить статус-кво. Мы считаем, что в приграничных районах стабильность на длительный период может быть обеспечена в случае возврата нам отторгнутых территорий». [Record of the 13th Dalai Lama's communication, dated 15th day of the 4th Tibetan Month, Iron-Horse Year 1930]

Другим китайским посланникам в Тибет — генералу Хуан Му-сану в 1934 году и У Чжо-сину в 1940 также было совершенно определено заявлено тибетским правительством, что Тибет был и желает остаться независимым. В связи с этим необходимо сказать, что ни китайское правительство, ни его «специальный посланник» (Хуан Му-сан) не сыграли никакой роли в назначении Радинга Ринпоче регентом после кончины Тринадцатого Далай-ламы.

Хуан Му-сан был первым, кому позволили посетить Тибет в качестве официального представителя Китая начиная с 1911 года. Тибетцы не отказали ему в разрешении, потому что он прибыл поклониться покойному Далай-ламе и выразить тибетскому народу соболезнования своего народа. В связи с этим он и прибыл в Лхасу в апреле 1934 года, спустя три месяца после того, как Радинг Ринпоче стал регентом.

Цонгду (Национальная ассамблея) предложила четырех кандидатов на регентство: Радинга Ринпоче, Гадена Трипу, Еши Вангдена и Пхурчока Ринпоче. Из них посредством церемонии вытягивания жребия, проводившейся перед статуей Авалокитешвары в Потале, регентом был избран Радинг Ринпоче. [Thupten Tenthar Lhawutara in *Bod kyi Lo rGyus Rig gNas dPyad gZhi'i rGyu cha bDams BsGrigs I* People's Publishing House. Beijing. Vol. 12, 1990]

В своей «Белой книге» китайцы утверждают, будто представители тибетского правительства были делегированы для участия в работе сессии Народного собрания Китая в Нанкине в 1931 и 1946 годах. В действительности же, в 1931 году Далай-лама отправил в этот город Кхенпо Кунчока Джунгне для того, чтобы он открыл там представительство Тибета и обеспечивал

постоянную связь с китайским правительством. Кроме того, в 1946 году в Дели и Нанкин была отправлена правительственная делегация с почетным поручением поздравить с победой во второй мировой войне стран-союзниц: Британию, США и Китай. Эта делегация не имела указания и полномочий участвовать в сессии Народного собрания Китая. Комментируя это событие по просьбе Комитета по соблюдению законности в Тибете Международной комиссии юристов. Далай-лама сказал: «Они (тибетские делегаты, приехавшие в Нанкин) не представляли официально никого в Собрании. И когда ложь китайской пропаганды стала известна нашему правительству, им было предписано вообще там не появляться».

Что касается учреждения националистическим гоминьдановским правительством Комиссии по делам Тибета и Монголии, которая также служила поддержанию некой видимости контроля над этими странами, то, надо сказать, до сегодняшнего дня гоминьдановское правительство Тайваня сохраняет ее, хотя при этом заявляется, что она не имеет юрисдикции не только над Тибетом, но и над всей Монголией, включая и Внешнюю Монголию, которая была признана независимой страной в 1924 году. Да и, с другой стороны, тибетское правительство никогда не признавало этой комиссии, которая никогда не имела никакой власти над Тибетом.

Дебаты в ООН

Когда армия коммунистического Китая начала вторжение в Тибет в 1949 году, тибетское правительство незамедлительно обратилось в ООН с просьбой оказать помощь в противодействии этой агрессии. Британия и Индия на Генеральной Ассамблее ООН предложили не предпринимать никаких действий некоторое время, чтобы не спровоцировать Китай к полномасштабной военной акции. Но большинство членов ООН восприняли это как агрессию, что со всей очевидностью подтвердилось в ходе обсуждения проблемы Тибета на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в 1959, 1960, 1961 и 1965 годах, когда представители многих правительств поддержали мнение посла Филиппин, заявившего, что Тибет—это «независимая страна» и что «накануне китайской агрессии Тибет не зависел ни от какого другого государства». Он определил китайскую агрессию как «наихудший вид империализма и колониализма, который когда-либо был и есть». Никарагуанский представитель осудил китайское вторжение и сказал:

«Народы Америки, рожденные в свободе, несомненно, с возмущением отнесутся к любому акту агрессии, особенно, когда она осуществляется большой страной против маленького и слабого государства». Представитель Таиланда напомнил высокому собранию, что большинство государств «отвергают заявление, в котором утверждается, что Тибет—часть Китая». И Соединенные Штаты осудили китайскую агрессию и вторжение в Тибет. А представитель Ирландии сказал следующее:

«В течение тысячелетий или, во всяком случае, двух тысячелетий (Тибет) был свободен и полностью управлял своими делами, как и любая нация, представленная в этой Ассамблее, и был во много раз свободнее в этом, чем многие присутствующие здесь нации». [UN GA Docs A/ PV 898 1960); A/PV 1394, 1401, 1965]

В ходе дебатов только страны коммунистического блока открыто поддержали Китай в этом вопросе.

Из официальных заявлений, сделанных в ходе обсуждения этой проблемы, становится очевидным, что утверждение Китая, будто бы ни одна страна никогда не признавала независимость Тибета и никогда не считала военную интервенцию Китая агрессией, оказывается просто ложью.

Заключение

Китай не может отрицать факт независимости Тибета в 1911—1951 годах, не искажая истории. Даже глава последней китайской миссии Шен Цун-ли написал в 1948 году: «С 1911 года Лхаса (т. е. тибетское правительство в Лхасе) пользовалась полной самостоятельностью во всех своих делах» [*Tibet and the Tibetans I* Shen, T. and Liu, S. New York, 1973. P. 62]. Сам Мао Цзэ-дун, проходивший во время «большого броска» через пограничные районы Тибета и пользовавшийся помощью тибетцев, отмечал: «Когда-нибудь мы должны заплатить наш единственный внешний долг тем маньчжурам и тибетцам, провизию которых мы были вынуждены брать». [*Red Star over China I* igar Snow. New York. 1961. P. 214. Emphasis added]

Возникновение институтов Далай- и Панчен-ламы

В китайской «Белой книге» утверждается: «В 1653 и 1713 гг. цинские императоры даровали почетные титулы Пятому Далай-ламе и Пятому Панчен-ламе. С этого времени и учреждены титулы Далай-ламы и Банчен-эрдени и их политический и религиозный статусы: Далай-лама управляет большей территорией из Лхасы, а Банчен-эрдени — остальной территорией Тибета из Шигацзе». Такое утверждение абсолютно не обосновано.

Тибетский святой и мыслитель Цонкапа (1357—1419) основал школу Гелуг тибетского буддизма. Она стала четвертой основной школой тибетского буддизма, помимо Ньингма, Сакья и Кагью. Панчен Гедундруп был ближайшим учеником Цонкапы.

Сонам Гьяцо, третий перерожденец Панчена Гедундрупа, был приглашен к монгольскому двору Алтан-ханом, который первым и присвоил ему титул «Галай (Далай)-лама». Этот титул соответственно был перенесен и на двух его предшественников, что сделало Сонама Гьяцо Третьим Далай-ламой. Так началась линия преемственности Далай-лам. Поэтому утверждение китайской пропаганды о том, что титул «Далай-лама» был учрежден веком позже маньчжурским императором, является ложью.

Отношения, установленные между Третьим Далай-ламой и Алтан-ханом, были духовными, но они получили политический резонанс спустя два столетия, в 1642 году, когда монгольский хан Гушри помог Пятому Далай-ламе (Нгавангу Лобсангу Гьяцо—1617—1682 гг.) стать высшим политическим и духовным лидером Тибета. В свою очередь, Пятый Далай-лама присвоил титул «ЧойкьиГьялпо» («Дхарма раджа») своему монгольскому патрону. С этого времени последующие Далай-ламы управляли Тибетом как независимые главы государства. Как видим, политический статус Далай-ламы не был учрежден маньчжурским императором цинской династии, как утверждается в китайской «Белой книге». Далай-лама с помощью своего монгольского покровителя обрел свое положение за два года до того, как возникла сама династия Цин. В 1447 году Панчен Гедундруп, известный как Первый Далай-лама, основал монастырь Ташилунпо. Последующим настоятелям этого монастыря благодаря их большой учености был присвоен титул «Панчен». Пятый Далай-лама передал во владение этот монастырь и другое имущество своему учителю, Панчену Лобсангу Чойкьи Гьялцену (1570—1662). После этого Панчен-ламы избирались на основе признания перерождения, и каждый последующий Панчен-лама сохранял за собой монастырь и имущество. Подобным же образом дело обстояло и с другими наиболее важными перерожденцами — с Сакьей, Пхагпой, Дакьябом Лоден Шерабом и др., которым тибетское правительство также передало земли. Но это не имело абсолютно никакого политического значения. Панчен-ламы и другие высшие ламы обладали только религиозным авторитетом и никогда не выполняли функций политических заместителей, что пытается доказать китайская пропаганда. В действительности политическая власть в Шигацзе и Ташилунпо осуществлялась районными администраторами, назначенными Лхасой.

Таким образом, маньчжурский император не сыграл никакой роли в учреждении религиозного и политического институтов Далай- и Панчен-ламы.

После вторжения в Тибет китайское коммунистическое правительство все время старалось использовать недавно почившего Панчен-ламу, чтобы узаконить свое присутствие в стране. Много раз Пекин предписывал ему участвовать в политике, понуждая к доносам и занятию места Далай-ламы. Но он отвергал все это, за что на несколько лет был посажен в тюрьму и подвергался плохому обращению.

В своей «Белой книге» китайское правительство, как это раньше делали правительства гоминьдана, заявляет, что оно сыграло решающую роль, с помощью своего посланника У Чжо-сина, в выборе и признании Четырнадцатого Далай-ламы. Утверждается следующее: «...простой факт, что признание Четырнадцатого Далай-ламы требовало одобрения [китайского] национального правительства, есть достаточное доказательство того, что Тибет не был независимым в тот период (1911—1949 гг.)».

В действительности же. Далай-лама был выбран в соответствии с древними религиозными верованиями и традициями тибетцев, и никакого одобрения китайского правительства не нужно было, его и не искали. Фактически, это произошло в 1939 году, еще до того, как У Чжо-син прибыл в Лхасу, когда регент Радинг объявил имя сегодняшнего Далай-ламы в Национальной ассамблее Тибета, которая единогласно утвердила этот выбор. 22 февраля 1940 года, когда проводилась церемония возведения на трон, У Чжо-син, как и посланники Бутана, Сиккима, Непала и Британской Индии, не имел никакого особого положения. Британский представитель, сэр Б. Гоулд, объяснял, что китайская версия событий—это фальсификация, которая была подготовлена и распространена до описываемого события. Фиктивный отчет У Чжо-сина, который берется за основу Китаем, показывает то, к чему стремился Китай, но не то, что произошло на самом деле. Китайская пропаганда также использует фотографию в «Чайниз ньюс рипорт», на которой сняты Далай-лама и У Чжо-син и подпись к которой указывает, что она сделана во время возведения на трон. Но, согласно Нгабо Нганангу Жигме, заместителю председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, это фото было сделано спустя несколько дней после церемонии, когда У получил частную аудиенцию у Далай-ламы. «Утверждение У Чжо-сина о том, что он председательствовал на церемонии возведения на трон, основанное на этой фотографии, есть вопиющее искажение исторических фактов»,—заявил Нгабо в «Тибет дейли» 31 августа 1989 года.

Ранняя история

Согласно тибетским анналам, первый царь Тибета правил уже в 127 году до н. э., но только в седьмом веке нашей эры Тибет сформировался как единое и сильное государство, которое возглавил царь Сонгцен Гампо. С его правления начался период завоеваний, который длился три века. Короли Непала и императоры Китая предлагали своих дочерей в жены тибетским царям. Женитьба на непальских и китайских принцессах имела большое значение, поскольку жены царей активно способствовали распространению буддизма в Тибете. Китайская пропаганда все время указывает на политическое значение женитьбы Сонгцена Гампо на китайской принцессе Вэн Чэн, сознательно не упоминая других жен царя, особенно непальскую принцессу, чье влияние было, пожалуй, большим, чем ее китайской напарницы.

Тибетский правитель Трисонг Децен (годы царствования: 755—797) расширил границы Тибета за счет завоеванных им китайских территорий. В 763 году была захвачена китайская столица Чанъань (современный Сиань), и Китай вынужден был платить ежегодную дань. В 783 году был подписан договор, определивший границы между Тибетом и Китаем. Свидетельством этих побед является надпись на колонне, стоящей у основания дворца Потала в Лхасе.

Мирный договор, подписанный Тибетом и Китаем в 821 году,— очень важный документ для понимания характера отношений между двумя великими державами Азии. Он был выбит на трех каменных колоннах на тибетском и китайском языках. Одна колонна была поставлена на горе Гунгу, чтобы разделить территории двух стран, вторая— в Лхасе, где находится и сейчас, а третья — в столице Китая, в Чанъане. Фрагменты этих надписей, приведенные в китайской «Белой книге», *неточны и вырваны из контекста* с целью создать впечатление того, что данный мирный договор был своего рода союзным договором. Это далеко от истины, что ясно из следующего фрагмента договора:

«Тибет и Китай будут придерживаться тех границ, в которых они ныне располагаются. Все, что к востоку, есть страна Великого Китая, а все, что к западу, есть, безусловно, страна Великого Тибета. Отныне ни одна сторона не должна ни вести войны, ни захватывать территории». И оскорбляет то, как китайцы в «Белой книге» смогли проинтерпретировать эти события, настаивая на том, что «тибетцы и ханьцы (китайцы) посредством династийных браков и договоров создали крепкий политический союз, развили тесные экономические и культурные связи, заложив прочный фундамент для окончательного объединения в одну нацию». Фактически же тибетские и китайские исторические хроники свидетельствуют о прямо противоположном и говорят об этих странах как о самостоятельных и сильных державах.

В середине девятого века Тибет распался на несколько княжеств. Тибетцы обратили свои надежды к Индии и Непалу, сильное религиозное и культурное влияние которых импульс для их духовного и интеллектуального развития.

Отношения с монгольскими правителями (период с 1240 по 1350 год)

Чингис-хан и его преемники завоевали обширные территории Азии и Европы, создав одну из самых огромных империй, какую когда-либо знал мир. Ее земли протянулись от Тихого океана до Восточной Европы. В 1207 году под натиском монголов находившееся к северу от Ти-

Тангутское государство. А в 1271 году над восточной частью империи была провозглашена власть монгольской династии Юань. К 1279 году на юге Китая пала Сунская династия, и монголы полностью закончили свое завоевание этой страны. Сегодня китайцы утверждают, что Юаньская династия была китайского происхождения. Заявляя так, они как бы предьявляют исторические права на все завоевания монголов, по крайней мере, на их восточную часть.

Внук Чингис-хана Годан-хан в 1240 году отправил экспедицию в Тибет и пригласил одного из наиболее значительных религиозных лидеров Тибета, Сакья Пандиту Кунга Гьялцена (1182—1201), к своему двору. Так было положено начало продолжительным отношениям Тибета и Монголии, которые имели особый — духовно-патрональный характер. Их тибетское название «чой-йон», что означает «духовный [наставник]—патрон-милостынедатель». Преемник Годан-хана Хубилай-хан принял буддизм и пригласил Дрогона Чойгьяла Пхагпу, племянника Сакья Пандиты, быть своим духовным наставником. Таким образом, отношения «чой-йон» реализовались в принятии Хубилаем буддизма как государственной религии его империи и в признании Пхагпы ее высшим духовным авторитетом. В благодарность за это Хубилай в 1254 году предоставил своему Учителю политическую власть над Тибетом, присвоив ему различные почетные титулы.

Эти первичные отношения «чой-йон» затем были укреплены отношениями такого же характера между ламами и монгольской или тибетской знатью. Эти уникальные по своему содержанию отношения между государствами в Центральной Азии послужили также основой отношений между маньчжурскими императорами и последующими Далай-ламами. Отношения «чой-йон» имели личностный характер, основываясь на почитании патроном своего духовного наставника, и продолжали существовать, даже если политическое положение первого изменялось. Это очевидно по монголо-тибетским отношениям «чой-йон», которые продолжали существовать даже после падения династии Юань.

Существенным элементом этих отношений была защита патроном своего духовника в благодарность за наставления в учении и благословение, но не в обмен на преданность. В некоторых случаях отношения «чой-йон» приобретали масштабный политический характер, когда от патрона ожидалась и военная помощь для защиты Учителя, его традиции. Но эти отношения не означали его верховенства, хотя китайская пропаганда настаивает на обратном.

С того времени, когда буддизм стал государственной религией восточной части Монгольской империи, а Сакья-лама (Пхагпа) — ее высшим духовным авторитетом, монголо-тибетские отношения лучше всего могут быть определены понятием «взаимозависимость». Имеется в виду равноправное взаимозависимое верховенство правителя-мирянина и духовного авторитета одновременно. В то время как правление духовного лидера в Тибете зависело от защиты и поддержки его патрона, легитимность деятельности последнего в Монгольской империи зависела от ламы.

Никто не отрицает, что монгольские императоры распространили свое влияние на Тибет. Но, в противоположность утверждению, сделанному в китайской «Белой книге», о том, что «в середине тринадцатого века Тибет был официально включен в состав империи Юаней», мы можем сказать, что ни один монгольский император никогда не предпринимал попыток управлять Тибетом непосредственно, Тибет никогда не платил монголам дани и не рассматривался монгольскими императорами частью Китая.

Тибет прекратил политические отношения с Монголией в 1350 году, когда царь Чжангчуб Гьялцен (годы правления — 1350—1364) отобрал силой власть у лам традиции Сакья. Он покончил с монгольским влиянием в тибетской административной системе и ввел новый, основанный на национальных традициях порядок управления. Он издал Свод законов для управления судом [*Trimyig Shelchey Cho-nga, i. e. «15 Article Code»*]. Китай же вновь обрел свою независимость от монголов только спустя восемнадцать лет после этого. В Китае стала править династия Мин.

Отношения с китайскими императорами в период с 1368 по 1644 год

В своей «Белой книге» китайцы утверждают, что китайская династия Мин «сместила династию Юань и унаследовала право на управление Тибетом». Но эта трактовка событий не имеет под собой никакой исторической базы. Выше мы уже показали, что установление отношений между монгольскими ханами, или императорами, и тибетскими ламами предшествовало монгольскому завоеванию Китая. Также и отношения между Тибетом и Монголией были прерваны раньше, чем Китай обрел свою независимость от последней. Китайские императоры династии Мин не унаследовали никаких отношений от монгольских ханов. С другой же стороны, монгольские правители продолжали поддерживать тесные религиозные и

культурные отношения «чой-йон» с тибетцами в течение веков после прекращения политических отношений.

И даже если монголы и имели влияние на Тибет, было бы слишком самоуверенно со стороны Китая требовать монгольское наследство тогда, когда существует единственный законный представитель монгольского народа — Внешняя Монголия.

Контакты между Тибетом и минским Китаем были редки и ограничены главным образом поездками лам из соперничавших монастырей в Китай, где они получали почетные титулы и дары от китайского императора. Эти визиты упоминаются в тибетских исторических хрониках пятнадцатого и семнадцатого веков, но в них нет ни одного свидетельства относительно политической зависимости Тибета от Китая или его правителей, или от императоров династии Мин. В «Белой книге» же подчеркивается, что эти связи отдельных лам с Китаем обнаруживают власть последнего над Тибетом. Но поскольку те ламы не управляли Тибетом, то, какой бы характер ни имели эти связи, они не могли поставить под вопрос независимость Тибета.

С 1350 года Тибетом управляли цари из рода Пхагмодру, а затем, примерно с 1481 года, — династия Ринпунг. В 1406 году царь Дакпа Гьялцен не принял императорского приглашения посетить Китай. Это ясно свидетельствует о суверенности власти тибетских правителей в то время.

Примерно с 1565 года и до установления власти Пятого Далай-ламы в 1642 году, осуществившегося за два года до падения династии Мин в Китае, Тибетом правили цангские цари. Есть свидетельства спорадических дипломатических отношений между некоторыми правителями из этой династии и минскими императорами, причем последние не имели никакой власти над первыми или влияния на них.

В 1644 году китайские императоры были в очередной раз побеждены иностранными завоевателями. На этот раз маньчжуры установили власть над огромной империей, основную часть которой составлял Китай. Они основали собственную династию — Цин.

Отношения с маньчжурами в период с 1639 по 1911 год

В 1642 году Великий Пятый Далай-лама с помощью своего монгольского патрона Гушри-хана стал верховным политическим и религиозным правителем Тибета. С тех пор тибетцы именуют его своим «гонгса ченпо», или «высшим сувереном». Он пользовался авторитетом далеко за пределами Тибета.

Пятый Далай-лама не только поддерживал тесные отношения с монголами, но и установил прочные связи с маньчжурскими правителями. В 1639 году, до того как Далай-лама обрел высшую политическую власть и до того как маньчжуры завоевали Китай и установили правление Цинской династии, маньчжурский император Тайцзу пригласил Далай-ламу в свою столицу Мукден (сегодняшний Шэньян). Не имея возможности приехать лично, Далай-лама направил посланника, который был принят императором с большими почестями. Таким образом, между Далай-ламой и маньчжурскими правителями установились отношения «чой-йон». Отношения, развивавшиеся между маньчжурами и тибетцами, так же как и отношения между тибетцами и монголами, формировались без участия Китая. О. Латтимор указывал следующее относительно Цинской династии: «Фактически существовала только маньчжурская империя, Китай был лишь ее частью», [*Studies in Frontier History*]

Победив Китай и присоединив его к маньчжурской империи, император Шунь-чжи в 1653 году пригласил Пятого Далай-ламу посетить с визитом столицу империи. В знак высочайшего уважения маньчжурский император проделал четырехдневное путешествие, покинув свою столицу (Пекин), чтобы принять тибетского правителя и выдающегося духовного лидера буддистов Центральной Азии. Комментируя этот визит Далай-ламы, американский ученый и дипломат У. У. Рокхил, работавший в Китае, писал:

«[Далай-лама] был принят со всеми церемониями, соответствующими рангу руководителя суверенного государства, и ничего нельзя обнаружить в китайских источниках, что могло бы опровергнуть это. В этот период тибето-китайских отношений обладание Ламой государственной властью, поддерживаемой военной силой Гушри-хана и духовным почитанием всей Монголии, не вызывало ни малейшего сомнения у китайских императоров». [*The Dalai Lama of Lhasa and their Relations with Emperors of China, 1644—1908 / T'oung Pao. 1910, 11. P. 37*]

В ходе встречи Пятый Далай-лама и маньчжурский император даровали друг другу высокие почетные титулы, и таким образом отношения «чой-йон» были подтверждены. В своей «Белой книге» китайцы упоминают только тот факт, что почетный титул был присвоен Далай-ламе, но умышленно не упоминают того, что почетный титул был дарован и императору.

В китайской интерпретации именно маньчжурский император предоставил Далай-ламе законное право управлять Тибетом. То есть намеренно утрачен смысл события, а именно: то, что был осуществлен обмен титулами между двумя независимыми главами двух государств. Если бы Далай-лама зависел от имперского титула, осуществляя свое правление, тогда бы и император в

своем правлении зависел от титула, дарованного ему Далай-ламой.

Во времена правления Цинской династии (1644—1911) отношения между Тибетом и маньчжурскими императорами формально продолжали основываться на принципе «чой-йон». Маньчжурский император, например, с готовностью откликнулся на просьбу помочь отразить вторжение джунгарских монголов и сопроводить найденного нового Седьмого Далай-ламу в столицу Тибета в 1720 году.

В восемнадцатом веке маньчжурские силы трижды были в Тибете: один раз, чтобы защитить Тибет от нашествия войск непальских гурков в 1792 году, и дважды, чтобы восстановить порядок после гражданских войн 1728 и 1751 годов. Каждый раз это делалось по просьбе тибетцев, и каждый раз основанием акции служили отношения «чой-йон».

Во время этих кризисов маньчжурам удалось достигнуть некоторого влияния на Тибет. Но впоследствии, когда Тибет воевал против захватчиков из Джамму в 1841—42 годах, из Непала в 1855—56 годах и из Британской Индии в 1903—04 годах, их влияние и роль в жизни Тибета быстро сошли на нет, и они не смогли сыграть какую-либо роль в этих событиях. К середине XIX века роль маньчжурского императора в Тибете (и роль амбаней) была чисто номинальной.

В «Белой книге» уделяется очень много внимания «предписаниям», или так называемому двадцатидевятистатейному эдикту 1793 года цинского императора Цянь-дуня, касающемуся Тибета и назначения амбаней (послов). Эти «предписания» преподносятся как свидетельство имперского порядка в Тибете, который широко внедрялся маньчжурами. Фактически эти «предписания» были предложениями императора о некоторых реформах тибетского правительства, после войны Тибета с Непалом. Амбани не были вице-королями или наместниками, но были главным образом послами, которым было предписано обеспечивать интересы своей империи и защищать Далай-ламу от имени императора.

Вследствие спора между Тибетом и Непалом, в 1792 году непальские гурки напали на Тибет, и Далай-лама обратился за помощью к маньчжурскому императору. Тот послал большую армию, которая помогла вытеснить войска непальцев, а затем сыграл роль посредника при заключении мирного договора между Тибетом и Непалом. В четвертый раз тибетское правительство обращалось к императору за военной помощью. И ему нужно было высказать свое мнение о тибетских проблемах, чтобы предупредить участие тибетцев в будущих конфликтах, которые снова бы потребовали вмешательства маньчжурской армии. По своему характеру «предписания» были предложениями, сделанными от лица императора-покровителя, а не приказаниями или указаниями правителя своим подданным. Это становится ясным из заявления посланника императора и командира маньчжурской армии, генерала Фу Кьян-аня, сделанного им Пятому Далай-ламе:

«Император дал мне, Великому Генералу, детальные инструкции, чтобы обсудить все положения по порядку. В этом проявляется забота императора о том, чтобы не был нанесен вред тибетцам и чтобы их благо было гарантировано навечно. Нет сомнения в том, что Далай-лама, выражая свою благодарность императору, примет все эти обдуманые и согласованные предложения. Однако, если тибетцы будут настаивать на утвердившихся издревле обычаях, император отзовет амбаней и гарнизон, после того как будут выведены войска. Более того, если подобные конфликты произойдут в будущем, император ничем не сможет помочь. Поэтому тибетцы могут решить сами, что им во благо, а что нет, что тяжело, а что легко, и сами сделать свой выбор». [Quoted from Ya Han Chang's *Biography of the Dalai Lamas In Bod kyi Lo rGyus Rag Rim g-Yu Yi Preng ba I* Published by Tibet Institute of Social Science. Lhasa. 1991. Vol. 2. P. 316]

Тибетцы приняли только некоторые из двадцати девяти предложений, которые они сочли благоприятными для себя, и не приняли те, которые им показались неприемлемыми. Панчен Чойкьи Ньима, предшественник последнего, покойного ныне, Панчен-ламы, сказал по этому поводу: «Когда китайская политика соответствовала собственным представлениям тибетцев, тогда они готовы были принять совет амбаня, но... если этот совет в каком-нибудь отношении вступал в противоречие с их национальными привычками, тогда сам император ничего не мог поделать с ними». [*Diary of Capt. O'Connor*, 4 September 1903]

Одним из важнейших положений «двадцатидевятистатейного эдикта» было императорское предложение выбирать инкарнации выдающихся лам, включая Далай- и Панчен-лам, с помощью вытаскивания жребия из золотой урны. Но эта важнейшая обязанность лежала на тибетском правительстве и высших ламах, которые продолжали определять перерожденцев в соответствии с религиозными традициями. Так что, уже в первом случае, когда следовало применить золотую урну для выборов Девятого Далай-ламы в 1808 году, тибетцы отвергли эту процедуру.

Еще одно важное положение этого «эдикта» касалось роли амбаней. В одни времена их роль была схожей с ролью послов, в другие — это были резиденты, когда отношения имели

протекционистский характер. Это лучше всего можно понять из объяснения амбана Ю Тая, которое он дал министру иностранных дел правительства Индии М. Дуранду в 1903 году и которое последний записал:

«В Лхасе он был только гостем, а не хозяином. Он не только не мог сместить действительных хозяев, но и не смел заикнуться об этом» [Sir Percy Sykes. *Sir Mortimer Durand: A Biography*. London. 1926. P. 166].

Таким же образом описали положение амбаней и два миссионера-лазариста, которым довелось попасть в Лхасу в середине девятнадцатого века: «Правительство Тибета похоже на правительство папы, а статус китайских послов такой же, как статус австрийского посла в Риме» [*Decouverte du Thibet, 1845--1846* / М. Hue. 1933. P. 50]. Ссылка на «китайских послов» — это часто встречающаяся ошибка, поскольку маньчжурские императоры старались не назначать китайцев амбанами, но только маньчжуров или монголов, — факт, подтверждающий, что назначение амбана рассматривалось также в контексте роли патрона в отношениях «чой-йон», в которых китайцам не было места. Беспрецедентное вторжение маньчжурских войск в Тибет в 1908 году стало поворотным моментом в отношениях Тибета и маньчжурского императора. Раньше императорские войска приходили по приглашению, для того чтобы помочь Далай-ламе или тибетскому правительству. Но на этот раз маньчжурский император предпринял попытку силой установить свою власть в Тибете, главным образом для того, чтобы устранить растущее влияние Британии. Далай-лама бежал в соседнюю Индию, и оккупация продолжалась недолго. Когда в 1910 году маньчжурский император попытался сместить Далай-ламу, последний заявил о прекращении отношений «чой-йон», поскольку покровитель напал на своего ламу и тем самым разрушил основу этих отношений.

Спротивление нашествию закончилось успешно: император потерпел поражение, и тибетцы вынудили оккупантов капитулировать. Летом 1912 года, при посредничестве Непала, Тибет и Китай заключили «Договор из трех пунктов», в котором признавалась капитуляция и изгнание всех остатков имперских войск. Позже, вернувшись в Лхасу, 14 февраля 1913 года Далай-лама в своем заявлении вновь подтвердил независимость Тибета.

Отношения с Британской Индией в период с 1857 по 1911 год

С середины восемнадцатого века Британия проявляла большой интерес к возможности торговли с Тибетом. Поскольку все гималайские государства, которые были тесно связаны с Лхасой, посредством договоров и соглашений попали в зависимость от Британской Индии, Тибет также опасался потерять свой суверенитет в случае отсутствия должного отпора британским попыткам проникнуть в страну. Тринадцатый Далай-лама стремился к независимой политике. Это не устраивало британцев, опасавшихся более чем кто-либо проникновения России в Тибет, что нарушило бы сложившееся равновесие сил в Центральной Азии. Не сумев наладить устраивающие ее отношения с Тибетом, Британия прибегла к помощи маньчжурского двора, чтобы принудить Тибет к сотрудничеству. Результатом этого стало подписание Китаем и Британией двух договоров (в 1890 г. и в 1893 г.), в которых были статьи, касавшиеся Тибета, причем последний не только не участвовал в этом, но даже не был поставлен в известность. Тибетское правительство отвергло эти договоры как *ultra vires*¹, и это ускорило британское вторжение в Тибет, случившееся в 1903 году. Император не стал помогать Тибету и, как уведомил амбань Ю Тай, отказался отвечать за действия тибетцев. Британские войска ушли из Лхасы примерно через год, после подписания с тибетским правительством двусторонней Лхасской конвенции.

Положения Лхасской конвенции с необходимостью предполагали неограниченный суверенитет Тибета во внутренних и внешних делах, поскольку другим способом Тибет не мог законно передать Британии некоторые полномочия, определенные договором. В этой конвенции не признавалось существование каких-либо особых отношений между маньчжурским императором и Тибетом, и подразумевалось признание со стороны Британии права Тибета самостоятельно заключать договоры.

Пытаясь склонить Китай к сотрудничеству, Британия убедила его подписать Присоединительный договор в 1906 году. И опять без участия Тибета это соглашение, а также соглашение 1907 года, заключенное между Британией и Россией, подтвердили право первой на свою сферу влияния в Тибете, а также ввели понятие китайского «сюзеренитета» над Тибетом, чего не принял ни Тибет, ни маньчжурский двор. В 1908 году, во время кратковременного вторжения маньчжурской армии в Тибет, Британия и Маньчжурская империя еще раз, и опять без участия Тибета, подписали договор, касавшийся торговли с Тибетом.

Говоря о британской концепции сюзеренитета, вице-король Индии лорд Керзон объяснял: «Китайский суверенитет над Тибетом — это конституционная фикция, политическое притворство, которое поддерживалось выгодой обеих сторон... А фактически китайские (т. е. маньчжурские) амбаны в Лхасе не имели статуса вице-короля, но были обычными

Отношения с Индией

Когда в 1947 году Индия стала независимой, ее правительство заменило британскую миссию на свою и унаследовало договорные отношения Британии с Тибетом. Признание Индией Тибета

¹«вне чьей-либо компетенции» — лат. (*Pvd*).

было очевидно из официального обращения индийского правительства к тибетскому внешне-политическому ведомству:

«Правительство Индии будет радо убедиться в намерении тибетского правительства продолжать наши отношения на уже сформировавшейся основе, пока не будут достигнуты новые соглашения на основаниях, которые любая из сторон захотела бы принять. Эта процедура принята всеми странами, отношения с которыми Индия унаследовала от правительства Его Высочества». [*Notes, Memoranda and Letters Exchanged and Agreements Signed by the Governments of India and China I 1959. Vol. 2. P 39*]

Самоопределение

В китайской «Белой книге» говорится о «владении» Тибетом, обсуждаются многие вопросы, относящиеся к правам человека, включая его социальные, экономические и культурные права, но игнорируется основной вопрос — вопрос о праве тибетского народа на самоопределение.

Согласно международному праву, население, которое можно определить как «народ», обладает правом на самоопределение. Правительства не могут отрицать это право и должны действовать в соответствии с ним. В предыдущие десятилетия право на самоопределение применялось главным образом к колониальным странам и народам, но в последние годы это право применяется не только в плане деколонизации, но и значительно шире. По международному праву, тибетцы составляют народ, как это было определено, в частности, на Международной встрече экспертов по дальнейшему изучению концепции прав народов, состоявшейся под эгидой ЮНЕСКО. Трудно представить более яркий пример народа, обладающего всеми важнейшими характеристиками: общностью истории, языка, культуры, этническим единством и т. д. Огромное, то есть достаточное, количество людей едины в своем сознании и практической жизни, обладают необходимыми социальными институтами и стремятся отстаивать свое право на самоопределение, чтобы быть признанными международным сообществом.

Под правом на самоопределение подразумевается право народа «определять свое политическое положение, экономическое, социальное и культурное развитие» свободно, без внешнего вмешательства [Международное соглашение по гражданским и политическим правам, ст. 1; Международное соглашение по экономическим, социальным и культурным правам, ст. 1]. Тибетцам было отказано в осуществлении этого права со времени оккупации их страны Китаем. Согласно международному праву, КНР не должна препятствовать осуществлению прав тибетцев.

Осуществление права на самоопределение может привести к интеграции или к связи с другим государством, или к независимости, но народ должен сам осуществить свое право. Выбор должен быть сделан свободно, без вмешательства извне. Поэтому тибетский народ должен сделать свой выбор сам, без вмешательства Китая. Далай-лама в течение многих лет призывает Китай договориться о проведении плебисцита под международным контролем, чтобы определить желание тибетского народа. Это самый желательный подход к проблеме, который полностью согласуется с требованиями международного права и практики.

Признание права Тибета на самоопределение

В 1961 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 1723 (XVI), в которой открыто признавалось право тибетского народа на самоопределение. ООН призвала КНР прекратить «политику, которая направлена на лишение тибетского народа его фундаментальных прав и свобод, включая право на самоопределение». Четыре года спустя, в 1965 году, она специально подтвердила эту резолюцию (см. Рез. 2079 (XX)).

Но еще ранее, в 1959 году, первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру выразил свою решительную поддержку права тибетского народа на самоопределение. Обращаясь к Лок сабхе, нижней палате индийского парламента, он сказал: «Последним голосом в признании Тибета должен быть голос его народа и никого больше».

Недавно состоялись две, не связанные друг с другом, встречи экспертов по международному праву для рассмотрения вопроса о требовании Тибетом независимости.

Постоянный Трибунал Народов, собравшийся в ноябре 1992 года в Страсбурге, в течение недели разбирал многие свидетельства и аргументы и пришел к выводу, что тибетцы отвечают общепринятому юридическому понятию «народ» и потому имеют право на самоопределение. Трибунал сделал заключение, что «нынешняя китайская администрация на территории Тибета должна рассматриваться как иностранное господство над тибетским народом». В конце принятого Трибуналом вердикта записано: «Тибетский народ с 1950 года лишен своего законного права на

самоопределение». [*Session on Tibet, Verdict I* Permanent Tribunal of Peoples. Strasbourg. 1992. 20 Nov. P. 15 and 23, resp.]

На другой самостоятельной конференции, проходившей в Лондоне несколькими неделями позже в течение 4-х дней, тридцать известных специалистов по международному праву из Европы, Африки, Азии, Северной и Южной Америки, среди которых были крупнейшие авторитеты по праву народов на самоопределение, обстоятельно рассмотрев все материалы, включая и китайскую «Белую книгу», сделали письменное заявление:

1) Согласно международному праву, тибетский народ должен получить независимость; право на самоопределение «принадлежит тибетскому народу» и «ни китайское правительство, ни какая-либо другая нация или государство не имеют права лишать его независимости».

2) «Со времени военных действий в 1949—50 годов Тибет находится в оккупации под властью КНР и деспотически управляется колониальной администрацией».

3) «Учитывая длительную историю Тибета как независимого государства, мы считаем, что требование тибетским народом самоопределения, включая независимость, соответствует принципам национального единства и территориальной неприкосновенности государства». [*International Lawyers' Statement on Tibet — London 1993* London. 1993. 10 Jan. P. 6—8]

В Заявлении Международной конференции содержался призыв к ООН и членам мирового сообщества срочно принять меры, способствующие быстрой реализации тибетцами своего права на самоопределение. В ходе этих двух обсуждений, в Народном Трибунале и на Международной конференции юристов, полностью были рассмотрены и позиции китайского правительства, особенно те, которые изложены в «Белой книге». Китайское правительство было приглашено участвовать в этих мероприятиях, но уклонилось от этого. Тем не менее оно представило на эти встречи для рассмотрения «Белую книгу» и массу других публикаций, демонстрирующих его аргументы и точку зрения на данную проблему.

Заключение

Несомненно, тибетский народ обладает правом на самоопределение, посредством которого тибетцы сами должны определить свой политический статус и направление экономического, политического и культурного развития своей страны. Даже если понятие самоопределения применимо главным образом к народам, находящимся под колониальным господством или оккупацией, к проблеме тибетцев оно применимо полностью. Пришло время, когда КНР должна выполнить свои международные обязательства и согласиться на проведение в Тибете плебисцита под международным наблюдением.

Вторжение и незаконная аннексия Тибета (1949-1951 гг.)

Введение

По международному праву договоры скрепляются подписями представителей стран, заключающих их, если они не навязаны силой или если одна из стран не принуждена к подписанию договора под угрозой силы. Это отражено в Венской конвенции по нормам заключения договоров, которые рассматриваются как отражение обычного международного права. Китайская Народная Республика очень чувствительна к этому принципу, особенно когда это относится к договорам и соглашениям, которые Китай вынужден был подписать под давлением Запада во времена, когда страна была слаба. Особенно КНР настойчива в том, что такие «неравноправные» договоры не могут быть действительными, причем неважно, кто их подписывал и по каким причинам.

После того как военное вторжение в Тибет началось, и маленькая тибетская армия была разбита, КНР навязала тибетскому правительству договор, по которому Тибет провозглашался частью Китая, хотя и с предоставлением ему широких прав автономии. В «Белой книге» утверждается, что договор был заключен тибетским правительством абсолютно добровольно и что Далай-лама, тибетское правительство и тибетский народ всецело поддержали его. Факты указывают на совершенно противоположное, а именно: на то, что заключение так называемого «Соглашения из семнадцати пунктов по мирному

освобождению Тибета» не было добровольной акцией и что оно было отвергнуто тибетским народом. Далай-лама в одной из своих книг приводит слова тибетского премьер-министра Лукхангвы, сказанные им китайскому генералу Чжан Цзин-у в 1952:

«Абсурдно ссылаться на условия «Соглашения из семнадцати пунктов». Наш народ не принял это «соглашение», да и сами китайцы периодически нарушали его условия. Их армия еще оккупировала Восточный Тибет. Эта территория не возвращена правительству Тибета, хотя это должно было быть сделано». [*My Land and My People*. Dalai Lama / New York. 1992. Fourth Edition. P. 95]

Дипломатическая активность и военные угрозы

Вскоре после того как коммунисты победили гоминь-дан и 1 ноября 1949 года объявили о создании КНР, Радио Пекина объявило, что НОАК должна освободить все китайские территории, включая Тибет, Синьцзян, Хэнань и Тайвань. Частично в ответ на эту угрозу и для того чтобы решить давние споры о границах, 2 ноября министерство иностранных дел Тибетского правительства в своем письме предложило Мао Цзе-дуну провести переговоры, чтобы уладить все территориальные вопросы. Копии этого письма были посланы правительствам Индии, Великобритании и США.

Хотя все эти три правительства считали распространение коммунизма угрозой стабильности в Южной Азии, они посоветовали тибетскому правительству вступить в прямые переговоры с китайским правительством» поскольку другие варианты улаживания конфликта могли бы спровоцировать военные действия.

Тибетское правительство решило послать двух старших чиновников Цепона Шакабпу и Цечхага Тубтена Гьялпо для переговоров с представителями КНР в третьей стране — СССР, Сингапуре или Гонконге. Эти посланники должны были обсудить с китайской стороной письмо министерства иностранных дел Тибета Председателю Мао Цзе-дуну и продолжавшиеся, как прежде, угрожающие сообщения китайского радио о близком «освобождении Тибета». Они должны были получить гарантии того, что территориальная целостность Тибета не будет нарушена, и заявить, что Тибет не потерпит внешнего вмешательства.

Когда тибетские делегаты обратились в Дели за визами в Гонконг, китайцы сказали им, что скоро в Нью-Дели должен прибыть их новый посол в Индии и что переговоры нужно начать с ним. В ходе же переговоров китайский посол в Индии Юань Чжэн-синь потребовал от тибетской делегации принять предложение из двух пунктов: 1) национальная оборона Тибета должна управляться Китаем и 2) Тибет должен быть признан частью Китая. Затем они должны были последовать в Китай для утверждения этого соглашения. Будучи проинформированным о требованиях китайской стороны, тибетское правительство предложило делегатам отвергнуть такую постановку вопроса. Таким образом, переговоры были отложены.

7 октября 1950 года сорокатысячное китайское войско под руководством политического комиссара Ван Пе-ми с восьми сторон атаковало административный центр Восточного Тибета — Чамдо. Незначительные тибетские силы, состоявшие из восьми тысяч солдат и милиции, были разбиты. Чамдо был взят через два дня, и калон (министр) Нгапо Нгаванг Джигме, административный глава региона, был арестован. Четыре тысячи тибетских бойцов погибли.

Китайская агрессия шокировала Индию. В резкой ноте министерства иностранных дел Индии от 26 октября 1950 года, направленной в Пекин, говорилось:

«Сейчас, когда китайское правительство предприняло вторжение в Тибет, навряд ли можно совместить с этими событиями мирные переговоры, и, естественно, часть тибетцев будет опасаться, что эти переговоры пройдут под давлением. При современном положении дел вторжение китайских войск в Тибет не может быть рассмотрено иначе как удручающее событие, не согласующееся с интересами самого Китая в налаживании мира в регионе. Так считает индийское правительство».

Многие страны, включая США и Британию, выразили поддержку позиции индийского правительства.

8 ноября 1956 года была созвана чрезвычайная сессия Национальной ассамблеи Тибета, на которой депутаты просили Далай-ламу, которому в то время было только шестнадцать лет, принять на себя полноту власти главы государства. И затем Его попросили уехать из Лхасы в Дромо, ближе к границе с Индией, чтобы он был в безопасности. В то же время министерство иностранных дел Тибета опубликовало следующее заявление:

«Тибет един и возглавляется Далай-ламой, который принял всю полноту власти... Мы призываем мир к невоенному вмешательству в эту неспровоцированную агрессию».

7 ноября 1950 года тибетское правительство отправило письмо Генеральному секретарю ООН, призывая эту всемирную организацию вмешаться в конфликт. В частности, в этом письме говорилось:

«Мы сознаем, что наша страна не может остановить наступление Китая. И мы готовы к переговорам с Китаем на основе взаимоуважения. ...Хотя мало надежды на то, что мирный народ сможет сопротивляться жестоким, натренированным в войне людям, мы думаем, что ООН решила останавливать любую агрессию, где бы она ни случилась».

Через десять дней Сальвадор официально предложил поставить вопрос об агрессии Китая против Тибета в повестку дня Генеральной Ассамблеи. Однако вопрос не обсуждался на Генеральной Ассамблее, поскольку индийская делегация заявила, что мирное решение проблемы может быть достигнуто тремя заинтересованными сторонами — Тибетом, Индией и Китаем. Второе письмо тибетской делегации, направленное в ООН 8 декабря, положения не изменило.

8 условиях оккупации Восточного и Северного Тибета, поражения и уничтожения своей маленькой армии, нашествия десятков тысяч войск НОАК в Центральный Тибет и отсутствия активной поддержки со стороны мирового сообщества Далай-лама и тибетское правительство приняли решение послать в Пекин свою делегацию для переговоров с китайскими руководителями.

«Соглашение из семнадцати пунктов»

В апреле 1951 года тибетское правительство послало в Пекин делегацию из пяти человек, возглавлявшуюся каломом Нгапо Нгавангом Жигме. Тибетское правительство уполномочило свою делегацию поставить в известность о своей позиции и выяснить китайскую точку зрения. Вопреки содержащемуся в «Белой книге» утверждению, будто делегация обладала «полнотой власти», она не имела полномочий заключать какой-либо договор. Делегатам было приказано все важные вопросы переадресовывать правительству.

29 апреля переговоры начались с представления китайской стороной краткого проекта договора. Тибетская делегация *полностью* отвергла предложения китайской стороны, тогда последняя предложила видоизмененный проект того же договора, но и он не был принят тибетцами. В такой ситуации китайские представители Ли Вей-хань и Чжан Цзин-у разъяснили, что условия, которые они выдвинули, являются окончательными и тождественны ультиматуму. С тибетской делегацией разговаривали резко и в оскорбляющих выражениях, угрожая физической расправой. Фактически члены делегации оказались пленниками. Дальнейшая дискуссия была невозможна, и в противоположность утверждениям китайской стороны тибетской делегации не предоставлялась возможность проконсультироваться со своим правительством. Был предложен унижительный выбор: или подписать «Соглашение», пользуясь своими полномочиями, или принять на себя ответственность за незамедлительную оккупацию Лхасы.

Под сильнейшим давлением Китая тибетская делегация подписала 23 мая 1951 года «Соглашение между Центральным народным правительством и автономным правительством Тибета о мерах по мирному освобождению Тибета», будучи неспособной проинформировать свое правительство. Делегаты предупредили китайскую сторону, что они подписали договор, основываясь только на своей компетенции, но ни Далай-лама, ни тибетское правительство не уполномочивали их делать это. Но ничто не остановило китайское правительство, и оно провело церемонию подписания и объявило миру о заключении договора о «мирном освобождении Тибета». Даже печати, скрепившие договор, были подделаны китайцами с целью придать договору видимость подлинности.

Семнадцать статей «соглашения», включавшие различные положения, санкционировали, в частности, введение китайских военных сил в Тибет и предоставляли китайскому правительству право осуществлять внешние сношения Тибета. С другой стороны, гарантировались неизменность политической системы Тибета и непокушение на

установленный статус, функции и власть Далай-ламы или Панчен-ламы. Тибетский народ должен был бы получить региональную автономию и сохранить свои верования и традиции. Реформы в Тибете должны были бы осуществляться после консультации с тибетским руководством и без принуждения.

Полный текст того, что стало известно как «Соглашение из семнадцати пунктов», был передан Радио Пекина 27 мая 1951 года. В этот день Далай-лама и тибетское правительство впервые познакомились с этим разбойничьим документом. Реакции в Дромо, где тогда находился Далай-лама, и в Лхасе были одинаковы: это были состояния шока и неверия.

Немедленно было отправлено послание делегации в Пекин, в котором ее действия осуждались за подписание «соглашения» без консультаций с правительством. Было приказано выслать текст подписанного документа и ожидать новых инструкций. Между тем была получена телеграмма от делегации, в которой говорилось, что китайский представитель генерал Чжан Цзин-у находится на пути в Дромо, следуя через Индию. Кроме того, сообщалось, что некоторые делегаты возвращаются также через Индию, а глава делегации возвращается прямо в Лхасу.

Далай-лама и тибетское правительство воздержались на время от публичного непризнания «соглашения». 17 августа 1951 года Далай-лама вернулся в Лхасу в надежде заключить с китайцами более приемлемый договор.

9 сентября 1951 года около трех тысяч китайских солдат вошли в Лхасу, вскоре за ними пришли еще двадцать тысяч из Восточного Тибета и из Восточного Туркестана (Синьцзян). НОАК заняла основные города: Рутог и Гарток, затем — Гьянгдзе и Шигадзе. С оккупацией основных городов Тибета, включая Лхасу, большой концентрацией войск по всему Тибету с востока на запад военный контроль над Тибетом был фактически установлен полностью. При таком раскладе сил Китай отказался возобновить переговоры, и Далай-лама оказался лишенным какой-либо возможности принять или отвергнуть тибето-китайский договор. Однако при первой же возможности высказаться свободно, которая предоставилась 20 июня 1959 года после бегства в Индию, Далай-лама официально отверг «Соглашение из семнадцати пунктов» как «навязанное тибетскому правительству и народу под угрозой военной силы».

В оценке «Соглашения из семнадцати пунктов о мерах по мирному освобождению Тибета» и оккупации Тибета есть два решающих критерия. Первый — это масштаба нарушения международного права Китаем, когда войска НОАК вошли в Тибет; второй—последствия подписания «соглашения».

Заключение договоров основывается на общепризнанном принципе свободного и согласованного принятия договорных обязательств договаривающимися сторонами: согласие без принуждения есть необходимая основа договора. Договоры, заключенные под угрозой силы, лишены своего юридического основания, особенно если насилие применено к стране и правительству, а не к участникам переговоров. В связи с оккупацией Китаем больших территорий Тибета и открытой угрозой захвата Лхасы в случае отказа подписать договор, это «соглашение» оказалось недействительным *ab initio*², и оно не могло стать законным оттого, что тибетское правительство вынуждено было молчать в этой ситуации.

Далай-лама и тибетское правительство не подписали договор по доброй воле, как это утверждается в китайской «Белой книге». Сам Мао Цзе-дун в Директиве Центрального Комитета КПК по политической работе в Тибете, опубликованной 6 апреля 1952 года, фактически признал это:

«Не только два силона (т. е. премьер-министра), но и Далай-лама со своей кликой сопротивлялись принятию Соглашения и не хотят осуществлять его. До сих пор у нас нет материальной базы для полного осуществления соглашения, не имеем мы и поддержки среди масс населения и высшего слоя общества». [*Selected Works of Mao Tseung* / Foreign Language Press, Peking. 1977. Vol. 5. P. 75]

Народное восстание

Введение

Когда люди угнетены, они неизбежно восстанут против своего угнетателя. До 50-х годов XX века в Тибете никогда не было народных восстаний. Тибетское движение сопротивления китайской оккупации началось сразу же после вторжения. Уже до 1956 года в восточных

провинциях Тибета Кхам и Амдо произошли открытые столкновения. Тремя годами позже сопротивление приобрело национальные масштабы, что привело к крупным выступлениям в Лхасе в 1959 году, бегству Далай-ламы и к эмиграции восьмидесяти тысяч жителей в соседние страны. Десятки тысяч тибетцев были убиты НОАК. С тех пор восстания и демонстрации тибетцев не прекращались. Только в период между 1987 и 1992 годами зафиксировано более чем 150 выступлений в Лхасе и других частях Тибета. Большинство восстаний было подавлено китайцами с большой жестокостью. В марте 1989 года в Тибете второй раз за его историю

² «с начала» — лат. (Ред.).

(первый был в 1959 году) было введено военное положение.

Китайское правительство старалось представить народное сопротивление тибетцев как дело рук немногих недовольных аристократов, стремящихся реставрировать старую систему эксплуатации и подавления народных масс. Они изображали 95% тибетцев крепостными, которые жестоко подавлялись небольшим числом аристократов и лам. Китайцы не могут объяснить только одного, почему эти, как они говорят, подавляемые массы никогда не *восставали* против своих хозяев, *несмотря на то что в Тибете никогда* не было полиции и большую часть истории там не было сильной армии. И эти же тибетцы восстали и борются сейчас против громадной секретной службы и армии Китая, зная на какой огромный риск они идут. Если мы посмотрим на социальный состав тибетцев, участвовавших в восстаниях и демонстрациях, то увидим, что 80% из них не являются ни аристократами, ни высшими ламами. Более того, 85% тибетских беженцев представляют, как говорят китайцы, «класс крепостных».

События, приведшие к Народному восстанию 1959 года

Давайте вкратце познакомимся с основными причинами тибетского национального восстания против Китая в 1959 году. После того как китайские войска обосновались в Лхасе, постоянно делались попытки подорвать суверенную власть тибетского правительства и установить китайскую власть. Это осуществлялось тремя путями. Во-первых, политическим и региональным разделением тибетцев на основе принципа «разделяй и властвуй». Во-вторых, определенными социальными и экономическими реформами, проводившимися вопреки желаниям тибетцев и рассчитанными на изменение структуры тибетского общества. В-третьих, учреждением оккупационной властью различных органов управления и новых организаций, подобных существовавшим уже тибетским институтам власти.

— В период с 24 ноября 1950 года по 19 октября 1953 года Китай включил большую часть тибетской области Кхам в состав соседней с ней китайской провинции Сычуань. Кхам был разделен на два так называемых тибетских автономных округа и один тибетский автономный район. 13 сентября 1957 года часть Южного Кхама была названа тибетским автономным округом Дечеп и включена в состав провинции Юньнань.

— Большая часть Амдо вместе с небольшим районом Кхама получила статус китайской провинции под названием Цинхай. Одна из частей Амдо была преобразована в тибетский автономный округ Нгапа и присоединена к провинции Сычуань. Оставшаяся часть Амдо была разделена на тибетский автономный район Тяньчжу (6 мая 1950 г.), тибетский автономный округ Каньлхо (1 октября 1953 г.) и присоединена к китайской провинции Ганьсу.

— 9 сентября 1965 года Китай официально учредил так называемое тибетское автономное региональное правительство, предоставив ему право управлять всей областью Цанг и некоторыми частями Кхама.

— Китай лишил многих этнических тибетцев, которые сами себя считали тибетцами, таких как шерпы, монпы, лхопы, тенгрпы, джангпы и т. д., их принадлежности к тибетскому народу, определив их китайскими национальными меньшинствами. Присвоение НОАК тысяч тонн ячменя и других продуктов питания впервые в истории страны довело тибетцев до голода, что вызвало митинги протеста в Лхасе. Первая большая группа сопротивленцев, «Миманг Цонгду» (народная ассамблея), организовалась совершенно спонтанно, и ее представители вручили китайскому военному командованию петицию с требованием вывести из страны НОАК и прекратить

вмешательство в дела Тибета. Китайская реакция была моментальной: оба премьер-министра, Лукханг-ва и дост. Лобсанг Таши, которые были открытыми противниками китайского правления и не принимали «Соглашение из семнадцати пунктов», были принуждены уйти в отставку, а пять лидеров «Миманг Цонгду» были заключены в тюрьму. Сама же организация стала подпольной.

В 1954 году Далай-лама по приглашению китайского правительства посетил Пекин. «Специальное» автономное положение Тибета, определенное «Соглашением из семнадцати пунктов», было формально отменено в связи с принятием Народным собранием Китая новой конституции. После этого последовало принятие «Резолюции по учреждению Подготовительного комитета автономного района Тибета» (ПКАРТ) — мера, предпринятая с целью дальнейшей интеграции тибетской администрации в состав администрации КНР. Подготовительный комитет должен был действовать как центральная администрация Тибета вместо тибетского правительства. Далай-ламу сделали Председателем Комитета, правда без реальной власти. В своей автобиографии Далай-лама объясняет это следующим образом :

«Комитет был безвластным и демонстрировал только видимость тибетского управления. В действительности, вся власть осуществлялась китайцами. Вся политика определялась организацией под названием Тибетский комитет коммунистической партии Китая, в который не входил ни один тибетец». [Dalai Lama. Ibid. P. 133]

В 1956 году ПКАРТ был учрежден, и районы, находившиеся под властью генерал-губернатора Чамдо (Восточный Тибет), назначавшегося тибетским правительством, были выведены из-под юрисдикции тибетского правительства в Лхасе, и их административные органы получили статус, равный статусу тибетского правительства. Последнее потеряло также законный контроль над землями монастыря Ташилунпо. Все это уменьшило его власть.

В Амдо и Кхаме, в меньшей степени в других районах, китайское правительство проводило, не без принуждения, социальные, политические и аграрные реформы. Часто подвергались насилию религиозные деятели и целые монастыри. Все это привело к значительному увеличению ответных действий такого же характера. Ведь «Соглашение из семнадцати пунктов» гарантировало, что реформы не будут навязываться тибетцам. Но такое произошло в Восточном Тибете: нетерпение и воинственность китайской администрации вызывали ответные силовые реакции, которые вскоре разрослись в широкое военное сопротивление. И по провинциям Амдо и Кхам прокатились волны карательных операций.

Когда насилие охватило и другие части Тибета, тогда, летом 1957 года, началась полномасштабная партизанская война. В больших количествах с востока и запада в Лхасу стали прибывать беженцы. В течение года восстание охватило и Центральный Тибет, и в 1958 году был образован сопротивленческий союз «Тенсунг Дхангланг Магар» (Добровольческие силы защиты Учения), объединивший «Миманг Цонгду» и «Чуши Гангдук» («Четыре реки и шесть горных хребтов»). К осени этого года народная армия, насчитывавшая 80 тысяч человек, контролировала большинство районов Южного Тибета и некоторые части Восточного Тибета.

Далай-лама призывал свой народ успокоиться, с тем чтобы предотвратить еще большее кровопролитие. Однако ситуация в Тибете ухудшалась быстро. В 1966 году Далай-лама по приглашению первого независимого премьер-министра Индии Дж. Неру принимал участие в празднике «Будда Джаянти». На встрече в Дели с Неру и Чжоу Энь-лаем Далай-лама выразил свою глубокую озабоченность той взрывоопасной ситуацией, которая сложилась на его родине, и допустил возможность принятия политического убежища в Индии. Неру посоветовал ему этого не делать. Чтобы убедить Далай-ламу вернуться домой, китайское правительство объявило, что «социалистические и демократические реформы» в Тибете будут отложены на некоторое время. Было обещано, что большое количество китайских гражданских лиц будет отозвано назад и что число учреждений ПКАРТа будет уменьшено в два раза. Но все это оказалось ложью.

В последующие годы китайцы интенсифицировали социалистические преобразования и репрессии против тибетцев, а также послали большое военное подкрепление в Тибет. То есть более чем компенсировали свою незначительную кадровую уступку.

Народное восстание и бегство Далай-ламы

Неминуемые события произошли в марте 1959 года. Тибетцы опасались, что китайские власти готовят похищение и отправку Далай-ламы в Пекин. Такое уже осуществлялось в Кхаме и Амдо, когда важные ламы или местные лидеры вдруг мистически исчезали во время культурных программ или других мероприятий, которые были организованы китайцами и на которые они приглашали тибетцев. Обеспокоенность за безопасность Далай-ламы сильно возросла, когда китайское военное командование пригласило Его на театральное представление, которое должно было состояться в китайском гарнизоне 10 марта. Беспокойство еще больше увеличилось, когда китайцы потребовали, чтобы Далай-лама не сопровождался охраной, как это было положено по традиции. Народ Лхасы не допустил, чтобы Далай-лама попался на уловку китайцев.

10 марта произошла стихийная демонстрация: тысячи людей окружили летний дворец Далай-ламы—Норбулингку, чтобы не допустить Его на объявленное китайцами представление. В течение нескольких следующих дней в Лхасе проходили массовые собрания, на которых участники требовали, чтобы китайцы покинули Тибет и предоставили их стране полную независимость.

Далай-лама, опасаясь серьезных последствий массовых демонстраций, убедил разойтись большую толпу народа, собравшуюся перед Норбулингкой, и написал три письма командующему китайскими войсками, генералу Тань Ку-ан-сэню, стремясь успокоить китайцев и предотвратить грозившее насилие. Объясняя обстоятельства, в которых он писал эти письма. Далай-лама вспоминал в своей автобиографии :

«Я ответил на все его письма, чтобы выиграть время, остудить гнев обеих сторон и призвать народ Лхасы к выдержке. Моим моральным долгом в тот момент было предотвращение катастрофического столкновения безоружных людей и китайской армии».
[Dalai Lama. Ibid. P. 187]

Но несмотря на усияия Далай-ламы, вскоре после этих событий открытое столкновение в Лхасе все же произошло, и оно имело пагубные для тибетцев последствия.

Видя, что все попытки предотвратить открытую конфронтацию и кровопролитие оказались неудачными и что дальнейшее сотрудничество с китайскими властями с целью уменьшить их агрессивность более не имеет смысла, Далай-лама решил бежать в Индию, чтобы привлечь международную помощь для спасения своего народа. Он покинул Лхасу ночью 17 марта.

28 марта китайский премьер Чжоу Энь-лай опубликовал постановление Государственного совета о «ропуске» тибетского правительства. Далай-лама и его министры, находившиеся на пути в Индию, быстро отреагировали на это постановление, заявив, что новая администрация, сформированная в Лхасе, которая полностью контролируется китайцами, никогда не будет признана тибетским народом. После своего прибытия в Индию Далай-лама восстановил правительство в изгнании и публично заявил: «Где бы я ни был вместе с моим правительством, тибетский народ всегда будет считать нас тибетским правительством».

Через несколько месяцев около 80 тысяч тибетцев с большим трудом достигли границ Индии, Непала, Бутана и Сиккима. Но многие не смогли сделать это.

В китайской «Белой книге» эти события стараются представить как дело рук тибетских реакционеров, которые с помощью ЦРУ организовали вооруженное «восстание», против которых «решительно» были настроены народные массы, а Далай-лама «сбежал в Индию по принуждению». Восстание, утверждают китайцы, охватило не более семи тысяч человек и было легко подавлено за два дня.

Такая трактовка событий далека от истины и опровергается даже самими китайскими властями. Так, согласно докладом китайской военной разведки, только в период с марта по октябрь 1959 года НОАК уничтожила 87 тысяч участников восстания в Лхасе и прилегающих к ней районах [*Xiang Xingshi he Renwu Jiaoyu de Jiben Jiaocai*. PLA Military District's Political Report, 1960]. Нерешительная помощь ЦРУ восстанию всерьез началась только тогда, когда оно закончилось. Хотя эта помощь приветствовалась тибетцами, она все же была незначительной. Все свидетельства указывают на то, что восстание было массовым, народным и распространилось широко. Его жестокое подавление во всех регионах Тибета только еще раз подтверждает это.

Традиционное общественное устройство Тибета и демократические основы его будущего

Введение

Китай всегда оправдывал свою политику в Тибете, рисуя мрачную картину жизни традиционного тибетского общества. Военное вторжение и оккупация рассматривались Китаем как «освобождение» тибетского общества от «средневекового феодального крепостничества» и «рабства». Сегодня этот миф постоянно используется Китаем, чтобы оправдать собственные нарушения гражданских и политических прав в Тибете и парировать международное давление на Пекин с целью заставить его пересмотреть свою репрессивную политику в оккупированном Тибете.

Традиционное тибетское общество было отнюдь не совершенным и требовало изменений. Далай-лама и тибетские лидеры признают это. И это та причина, по которой Далай-лама приступил к осуществлению перспективных реформ сразу после того, как он получил светскую власть.

Но традиционное тибетское общество не было настолько плохим, как это старается представить Китай.

В любом случае по ряду причин оправдания Китая не обоснованы. Прежде всего, международное право не принимает оправдания такого рода. Непозволительно одной стране вторгаться, оккупировать, аннексировать и колонизировать другую страну только потому, что ей не нравится социальная система второй. Во-вторых, КНР несет еще ответственность за причинение страданий другому народу во имя свободы. В-третьих, уже начинали осуществляться необходимые реформы, и тибетцы сами способны провести их.

В своем докладе по Тибету в 1960 году Международная комиссия юристов заявила:

«Китайские утверждения, что в Тибете до прихода китайцев права человека не соблюдались, основываются на искаженных и преувеличенных сообщениях о жизни в этой стране. Выяснилось, что обвинения против тибетских «повстанцев» в изнасилованиях, грабежах и пытках были намеренно сфабрикованы. И в других случаях по этим или иным причинам информация не заслуживает доверия».

Традиционное общество

В терминах социальной мобильности и распределения общественного богатства Тибет правомерно сравнивать с большинством азиатских стран. Далай-лама, глава духовной и светской администраций, определялся на основе системы реинкарнации, которая гарантировала, что правление в Тибете не будет наследственным. Большинство Далай-лам, включая Тринадцатого и Четырнадцатого, — выходцы из простых крестьянских семей из дальних частей Тибета.

Административные посты ниже Далай-ламы занимались равным количеством чиновников-монахов и чиновников-мирян. Хотя чиновники-миряне занимали посты по наследству (однако сами посты не являются наследственными), посты, занимаемые монахами, были доступны для всех. Большая часть чиновников-монахов формировалась на непривилегированной основе. Тибетская монашеская система обеспечивала широкую социальную мобильность. Монашеские организации доступны в Тибете для всех, и подавляющее большинство монахов, особенно тех, кто прошел путь от рядового до иерарха,—это выходцы из простонародья, часто из заброшенных деревень Кхама и Амдо: это потому, что в монастырях предоставлялись равные возможности всем занять любое высокое положение в зависимости от учености. В популярном тибетском афоризме утверждается следующее: «Если человек обладает знанием, то путь к золотому трону Гадена (символизирующему высшее положение в иерархии школы Гелуг тибетского буддизма) открыт для него».

Крестьяне, которых в китайской «Белой книге» навязчиво называют «крепостными», обладали юридической самостоятельностью, часто подтверждавшейся наличием

документов, в которых указывались их права. Любой из них мог обратиться в суд. Крестьяне имели право подать в суд на своих хозяев и обратиться по своему делу в высшие инстанции.

Мисс Дондуб Чходон родилась в семье, принадлежавшей к беднейшему слою населения независимого Тибета. Вспоминая в своей книге «*Life in the Red Flag People's Commune*» («Жизнь до прихода китайцев»), она говорит следующее :

«Я принадлежала к тем, кого сейчас китайцы называют тибетскими крепостными... Нас было шестеро в семье... Наше жилище представляло собой двухэтажное строение, обнесенное со всех сторон стенами. На первом этаже мы держали домашнюю скотину: четырех яков, двадцать семь овец и коз, двух ослов. Наш земельный надел составлял четыре с половиной ххеля (0,37 гектара). У нас никогда не было трудностей с тем, чтобы прокормить себя. И в наших местах не было ни одного нищего».

Во все времена тибетской истории закон, так же как и устоявшаяся традиция, запрещал землевладельцам наказывать крестьян и дурно обращаться с ними. Со времен царя Сонгцена Гампо (VII в.) многие тибетские правители издавали законы, основанные на «Десяти добродетелях Дхармы», то есть на этических принципах буддийской религии, которая требовала, чтобы правители покровительствовали своим подданным. В 1909 году Тринадцатый Далай-лама издал указ, согласно которому каждый крестьянин получал право в случае дурного обращения со стороны своего хозяина подать жалобу непосредственно Далай-ламе. Фактически в тибетском обществе недоброе поведение порицалось. Религиозная вера тибетцев в истинность сострадания препятствовала немилосердному поведению, касалось ли это людей или животных.

. Смертная казнь была запрещена в Тибете, а наказание физическим увечьем могла присуждать только центральная власть в Лхасе. В 1898 году в Тибете был принят закон, запрещавший такие формы наказания, исключая случаи государственной измены.

Вся земля принадлежала государству, которое наделяло ею монастыри и отдельных своих подданных, сослуживших ему службу. Со своей стороны, государство собирало с имущих налоги и использовало их в своих делах. Состоятельные миряне или платили земельный налог, или посылали одного мужчину из каждого поколения на государственную службу. Монастыри осуществляли религиозные функции для государства, а еще в большей степени были школами, университетами, центрами искусства, ремесел, медицины и культуры. Монастыри как высокоорганизованные образовательные центры были фундаментом традиционной тибетской культуры. Обучавшиеся в монастырях полностью содержались за их счет: им всем предоставлялось питание и жилье. Некоторые монастыри обладали значительной собственностью, некоторые, получив большие дарования, использовали их для своего развития. Другие же не имели ни первого, ни второго. Они получали лишь дары и пожертвования от своих почитателей и патронов. И отдельным монастырям часто не хватало этих средств, чтобы обеспечить всем необходимым большое количество монахов. Чтобы пополнить свои доходы, такие монастыри занимались торговлей и ростовщичеством.

Большая часть земли в прежнем Тибете находилась в руках крестьян, которые платили налог сельскохозяйственной продукцией непосредственно государству. Это было главным источником продовольственных запасов государства, которые затем распределялись между монастырями, армией и служащими, не имевшими какой-либо собственности. Некоторые крестьяне несли трудовую повинность, а некоторые были обязаны обеспечивать средствами передвижения государственных служащих и в некоторых случаях монастыри.

Землепользование было наследственным. Крестьянин мог сдавать землю в аренду или закладывать ее. И он мог быть лишен своей земли только в случае неуплаты налога или невыполнения трудовой повинности, которые были небольшими. Практически крестьянин имел права землевладельца и платил скорее натуральный налог, а не ренту.

Небольшая часть тибетцев, живших главным образом в провинции У-Цанг, были арендаторами. Они брали в аренду землю у крупных землевладельцев и монастырей и расплачивались с ними или оброком- или посылали одного члена своей семьи работать слугой или сельскохозяйственным рабочим. Некоторые из этих арендаторов становились управляющими владениями, обладавшими большой властью (именно за это китайцы приклеили им ярлык «агентов феодалов»). Другие выходцы из таких семей выбирали себе занятие по желанию. Они имели право заниматься торговлей или чем-нибудь друшм, могли стать монахами или работать на своей собственной земле. Хотя они и считались арендаторами, они не могли быть лишены земли по желанию ее владельца. Некоторые из них были очень богаты.

Четырнадцатый Далай-лама намеревался осуществить перспективные административные и земельные реформы. Он предполагал, что крупные монастырские и частные владения будут выкуплены государством и розданы крестьянам. По Его указанию был создан специальный комитет по реформе, который уменьшил земельный налог с крестьян. Этому комитету было также поручено изучать жалобы крестьян на местные власти и предпринимать соответствующие меры. Далай-лама одобрил предложение об освобождении должников от долгов по представлению этого комитета. Крестьяне-задолжники были разделены на три группы: на тех, которые 1) не могли заплатить проценты или вернуть ссуду и освобождались от долга полностью; 2) не могли заплатить проценты из своих годовых доходов, но имели достаточно денег, чтобы вернуть ссуду, обязанных сделать выплаты в рассрочку; 3) разбогатели в течение нескольких лет и должны были вернуть ссуду и выплатить проценты в рассрочку. Далай-лама также приказал, чтобы в будущем без специального разрешения правительства с населения не требовали транспортного обслуживания. Кроме того, была увеличена плата за эту работу.

Голод и голодная смерть не были известны в независимом Тибете. Были, конечно, неурожайные годы. Но люди могли взять продукты взаймы у местной администрации, монастырей, крупных землевладельцев и богатых фермеров. С 1950 года китайский военный и гражданский персонал кормился из тибетских государственных продовольственных запасов и принуждал тибетцев продавать им их запасы зерна по номинальным ценам. «Свобода» тибетцев реально оказалась лишь правом на бедность. Палден Гьяцо, 61-летний монах, который бежал из Тибета в 1992 году, после 33 лет китайской тюрьмы и каторги сказал об этом очень лаконично: «Китайцы определенно преуспели в деле превращения богатого в бедного. Но они не помогали и бедным. Бедный стал еще беднее, и мы превратились в нацию попрошаек цампы³».

В своей книге «Тибет и его история» Х. Ричардсон писал: «Даже коммунистические писатели должны были признать, что до 1949 года разница между богатым и бедным в Тибете не была очень большой». И действительно, когда Ху Яобань в 1980 году сам увидел повсеместную нищету жителей Центрального Тибета, он заявил, что уровень жизни там, по крайней мере, должен быть доведен до уровня, существовавшего до 1959 года.

Демократические реформы

В 1959 году после своего бегства из Тибета Далай-лама восстановил свое правительство в Индии и начал ряд демократических изменений. Был учрежден парламент эмиграции — избираемая непосредственно народом организация народных представителей. В 1961 году Далай-лама подготовил проект Конституции будущего Тибета, при этом он стремился заручиться мнением тибетцев по этому вопросу.

В 1963 году подробный проект Конституции будущего Тибета был обнародован. Несмотря на сильное сопротивление, Далай-лама настоял на включении в нее статьи, которая гласит, что исполнительная власть, осуществляемая Далай-ламой, может быть передана Совету Регентов, если Народное собрание двумя третями своего состава после согласования с Верховным судом придет к решению о необходимости такой передачи власти в интересах государства.

10 марта 1969 года Далай-лама объявил, что ко дню обретения Тибетом независимости тибетский народ должен будет решить, какую систему государственного управления он хотел бы иметь.

В 1990 году в Конституции были сделаны изменения, усилившие роль Собрания народных представителей Тибета за счет увеличения числа его членов с 14 человек до 46. Также Собранию предоставлялись более широкие конституционные права, а именно, оно теперь выбирало калонов (министров), которые ранее назначались непосредственно Далай-ламой. Высшая правоохранительная комиссия должна была теперь рассматривать жалобы людей на действия администрации.

В январе 1992 года Далай-лама представил «*Guidelines for future Tibet's Polity and the Basic Features of its Constitution*», где он заявил, что не будет «выполнять каких-либо обязанностей в будущем правительстве Тибета» и будет сам определять свою традиционную политическую позицию. «Будущее правительство Тибета,—сказал Далай-лама,— будет избираться народом на основе возрастного избирательного ценза». Далай-

лама также заявил, что в течение некоторого периода между выводом китайских оккупационных войск и вступлением Конституции в силу обязанности по управлению государством будут возложены на тибетских чиновников, которые сейчас работают в Тибете. Во время этого переходного периода будет назначен президент, которому Далай-лама передаст свою политическую власть и обязанности. Тибетское правительство в эмиграции прекратит существование *ipso facto*⁴.

В руководстве по будущему политическому устройству говорится также следующее: «Будущий Тибет будет миролюбивой страной, придерживающейся принципа ахимсы (невреждения). Он будет иметь демократическую систему управления, в задачи которой будет обязательно входить сохранение чистой и здоровой окружающей среды. Тибет будет полностью демилитаризованной страной».

³ Цампа — поджаренная ячменная мука — национальная пища тибетцев, наподобие хлеба для русских (Ред.).

⁴ «в силу самого факта» — лат. (Ред.).

Поэтому сейчас тибетцы борются не ради восстановления старой системы управления, как это утверждают китайцы. Продолжающиеся попытки Китая персонифицировать тибетскую проблему, ставя все в зависимость от статуса Далай-ламы, есть лишь увертка с целью скрыть основную причину тибетского народного сопротивления.

Права человека

Введение

Более 1,2 миллиона тибетцев погибли в результате китайского вторжения и оккупации. Сегодня трудно найти тибетскую семью, в которой не числился бы посаженным или убитым хотя бы один человек. Согласно Жигме Нга-бо, в «ходе репрессий 1959 и 1969 годов почти каждая тибетская семья пострадала тем или иным образом». Эти факты говорят много о «демократической реформе», которая, как утверждает Китай, была осуществлена для преобразования «темного, феодального, эксплуататорского общества» Тибета.

Независимый Тибет, конечно, не был примером совершенного общества. Но он никоим образом не был таким тираническим государством, каким является сейчас, когда там правят китайцы. Самые большие тюрьмы, которые были расположены в Лхасе, вмещали во все времена не более тридцати заключенных каждая. Но после китайского вторжения весь Тибет покрылся тюрьмами и трудовыми лагерями. Есть даже сообщения, что китайцы устраивали массовые уничтожения заключенных, чтобы держать их число в допустимых пределах.

Однако Китай продолжает утверждать, что со времени своего «освобождения» тибетский народ пользуется большой степенью свободы. Давайте обратимся к фактам.

1949—1979: убийства и разрушения

Согласно китайским данным, в период с 7 по 25 октября 1950 года НОАК «уничтожила» более чем 5700 тибетских «солдат» и заключила в тюрьмы в различных областях Восточного Тибета две тысячи человек [A Survey of Tibet Autonomous Region. Tibet People's Publishing House. 1984].

Существуют документальные свидетельства об избиениях, пытках, убийствах, бомбардировках монастырей и уничтожении целых лагерей беженцев. Большая часть этих сообщений подтверждена также документами, содержащимися в докладе Международной комиссии юристов 1960 года.

Согласно секретным китайским военным документам, за период с 1952 по 1958 год китайская армия подавила в Каньлхо, область Амдо, 996 восстаний, убив при этом десять тысяч тибетцев [*Work Report of the 11th PLA Division. 1952—1958*]. В это время население другого района Амдо, Голока, сократилось из-за репрессий со 130 тысяч человек в 1956 году до 60 тысяч человек в 1963 году [*China Spring. 1986. June*]. Относительно событий в Амдо Панчен-лама сказал:

«Если бы кто-нибудь снял фильм о жестокостях китайцев в провинции Цинхай, то это был бы фильм ужасов. В районе Голок было убито очень много людей, а их тела были сброшены с горы в ущелье. Родственникам погибших солдаты сказали, что они должны праздновать, так как бунтовщики уничтожены. Их даже принуждали танцевать на мертвых телах. Вскоре после этого они также были расстреляны из пулеметов». [Speech by the Panchen Lama at a Meeting of the Sub-Committee of the National People's Congress in Peking on Situation in Tibet. 1987. March 28]

При этом Панчен-лама подчеркнул:

«В Амдо и Кхаме народ был подвергнут невыразимым жестокостям. Расстреливали по двадцать-тридцать человек... Такие акции глубоко ранили сердца людей».

В результате карательных действий, последовавших после народного восстания в Лхасе 10 марта 1959 года, было убито за три дня от десяти до пятнадцати тысяч тибетцев. Согласно секретному докладу 1960 года Политического управления НОАК тибетского военного района, в период с марта 1959 по октябрь 1960 года только в Центральном Тибете было убито 87 тысяч человек [*Xiang Xing-shi he Renwu liaoyu de Jiben Jiaocai. 1960*]. А согласно информации, собранной тибетским правительством в эмиграции, за период с 1949 по 1979 год население Тибета уменьшилось более чем на 1,2 миллиона человек.

Причина смерти	У-Цанг	Кхам	Амдо	Всего
Пытки в тюрьме	93560	64877	14784	173 221
Казнь	28267	32266	96225	156 758
Гибель в бою	143 253	240410	49042	432 705
Голод	131 072	89916	121982	342 970
Самоубийство	3375	3952	1675	9002
Побои	27951	48840	15940	92731
Всего:	427 478	480 261	299 648	1 207 387

Смерть в тюрьмах и работа в концентрационных лагерях

Цифры, основанные на свидетельствах оставшихся в живых узников тюрем и лагерей, показывают, что около 70% всех заключенных погибли. Например, в местечке Джанг Цалакха, находящемся в районе пустынных северных тибетских равнин, в пяти лагерях содержалось более десяти тысяч узников, которых заставляли добывать и транспортировать буру. Как рассказывают бывшие заключенные этих лагерей, каждый день от голода, побоев и переутомления умирали от десяти до тридцати человек, а в течение года погибли более восьми тысяч узников. Или другой пример. На строительстве Нгаченской гидроэлектростанции около Лхасы, которая якобы, как ложно заявляют китайцы, была построена силами НОАК, по крайней мере, каждый день по три или четыре трупа узников сжигали или сбрасывали в реку невдалеке от стройки. По свидетельству бывшей узницы, уроженки Ньяронга, что в Кхаме, г-жи Адхи Тапе, в районе Дарцеда (Восточный Тибет) в период с 1960 по 1962 год умерло 12019 заключенных, работавших на свинцовых рудниках.

Права человека в Тибете в настоящее время

Смерть Мао Дзэ-дуна в сентябре 1976 года привела к изменениям в китайской политике. Показателями этих изменений были либерализация и провозглашение экономики «открытых дверей», а также более лояльное отношение к узникам совести.

Но либерализация и открытость экономики так, как они проводились, не изменили китайской позиции в отношении Тибета и его политического статуса. В мае 1982 года 115 тибетских политических активистов были арестованы и объявлены «преступниками» и «дельцами черного рынка». Затем последовали еще большие аресты и публичные казни. К концу ноября 1983 года в одной только Лхасе были посажены в тюрьму 750 тибетских политических активистов.

27 сентября 1987 года более двухсот тибетцев провели демонстрации в Лхасе. В ходе подавления последующих демонстраций, включая демонстрации 1 октября 1987 и 5 марта 1988, китайская полиция открывала огонь по демонстрантам, убив и тяжело ранив многих прямо на месте демонстрации и арестовав, по крайней мере, 2500 человек.

В июле 1988 года шеф китайских органов безопасности Сяо Ши во время своей поездки по «ТАРу» потребовал «безжалостного подавления» всех форм протеста против китайского правления в Тибете [UPI. 1988. July 20].

Полиция отреагировала сразу. 10 декабря 1988 года была разогнана демонстрация, проходившая у Джокхан-га, самого священного храма в Лхасе. Это засвидетельствовала датская туристка Юриста Мейндерсма (ей было тогда 26 лет), которая вспоминала: «...без всякого предупреждения полиция открыла огонь, стреляя без разбора в толпу. Люди не поняли, что происходит, кто на них напал... Когда я повернулась, чтобы бежать, меня ранило в плечо». Один западный журналист, который оказался там, свидетельствовал, что, по крайней мере, один из офицеров отдал приказ солдатам «убивайте тибетцев!». Результатом этой акции было не менее 15 убитых, 150 тяжелораненых и много арестованных.

Но выступления тибетцев продолжались. В течение трех дней после 5 марта 1989 года в Лхасе произошли новые беспорядки, когда демонстранты с тибетским национальным флагом требовали предоставления независимости своей стране. Полиция применила для разгона демонстрантов автоматы и даже стреляла по домам тибетцев. Количество жертв составило от 80 до 400 человек, хотя официально китайцы говорили об 11 жертвах. По мнению Тан Да-синя, китайского журналиста, находившегося в это время в Лхасе, тогда было убито несколько сот человек, несколько тысяч получили ранения и три тысячи были арестованы [Events in Lhasa March 2nd—10th 1989, Tang Daxian, London: TIN, 1990. June 15]. С 7 марта 1989 года в Лхасе было официально введено военное положение.

Спустя год, 1 мая 1990 года Китай объявил об отмене военного положения. Однако прибывшая в Китай из Австралии первая делегация по правам человека, которой разрешили посетить Тибет, пришла к такому выводу:

«Хотя закон об отмене военного положения был принят 1 мая 1990 года, он фактически не выполняется». В своем отчете 1991 года «Эмнисти Интернешнл» подтвердила это, отметив, что «полиция и секретные службы сохраняют за собой широкие права на незаконный арест и содержание под стражей без судебного разбирательства».

В преддверии празднования 40-й годовщины аннексии Тибета 10 апреля 1991 года были арестованы 146 «преступников», после чего было объявлено о еще больших арестах на массовых митингах протеста. В день юбилея в Лхасе был объявлен комендантский час.

В феврале 1992 года были произведены ничем не мотивированные облавы, когда группы китайского персонала по десять человек вламывались в дома тибетцев и арестовывали каждого человека, у которого находили что-нибудь, вызывавшее подозрение, включая фотографии Далай-ламы, аудиозаписи и книги, содержащие Его речи и учения. Тогда было арестовано более 200 человек.

Несмотря на все репрессии, демонстрации в Тибете проходили постоянно с 1987 года. Согласно достоверным источникам, в период с 27 сентября 1987 года по конец 1992 года, по всему Тибету прошло более чем 150 демонстраций разного масштаба. "Эмнисти Интернешнл" беспокоят следующие нарушения прав человека в Тибете: заключение в тюрьмы после несправедливого суда узников совести и других политических

противников режима, пытки и жестокое обращение, применение смертной казни и исполнение приговоров без суда. Положения Конституции и другие законы ограничивают осуществление в Тибете основных демократических свобод и не обеспечивают защиты прав человека, как этого требует международное право» [*People's Republic of China: Amnesty International Concerns in Tibet I* Ai, London, 1992 January; ASA 17/02/92, summary page].

Все проявления недовольства (демонстрации и политическое неприятие) китайским правлением в мирной форме или иначе рассматриваются властями как «незаконная сепаратистская деятельность, и те, кто руководил или участвовал в ней, были сурово наказаны с помощью грубой силы. Сегодня «безжалостные репрессии» в Тибете осуществляются в порядке вещей [*Merciless Repression: Human Rights in Tibet I* Asia Watch, Washington].

Нарушение прав человека происходит в Тибете везде и во всем. Имеющиеся свидетельства подтверждают, что Китай безнаказанно насилует все нормы цивилизации, принятые в таких документах международного права, как «Конвенция ООН против применения пыток и жестокости, бесчеловечного или унижающего обращения или наказания», а также «Всеобщая декларация прав человека», которые он обязался соблюдать, подписав ратификационные акты.

Незаконные аресты, заключения в тюрьмы, бесследное исчезновение и казни без суда

Свидетельства о незаконных арестах, заключениях в тюрьмы, которые часто приводили к исчезновению узников, казнях без суда приведены в докладе «Эмнисти Интернешнл» 1990 года, где подчеркивалось, что «более 1000 человек, включая узников совести, были арестованы после того, как в Лхасе в марте месяце было введено военное положение», и что «некоторые из них были казнены без какого-либо разбирательства». Так же там говорится о том, что «свидетельства о постоянных нарушениях прав человека в Тибете, включая сообщения о множестве незаконных арестов, длительных заключениях в тюрьму без суда и следствия и пытках, продолжали появляться и в 1989 году».

Сейчас, когда китайцы управляют Тибетом, полностью игнорируется право арестованных быть проинформированными об основаниях своего ареста, а также их право на законное возмещение ущерба. Ордера на аресты редко выдаются или предъявляются.

Кажется, что основания для ареста и заключения могут быть найдены в любых действиях. Тибетцы могут быть арестованы за разговоры с иностранцами, патриотические песни, вывешивание на стенах плакатов, владение автобиографией Далай-ламы, видео- и аудиокассетами с записями материалов, относящихся к Его Святейшеству, составление списков пострадавших во время разгонов китайцами демонстраций, ношение тибетского национального костюма и совет знакомым одеть такой наряд в день китайского национального праздника.

Заключение в тюрьму—обычное дело. Часто это делается без уведомления родственников арестованных лиц. [*Defying the Dragon.: China and Human Rights in Tibet I* LAWASIA and TIN. London. 1991 March. P. 33].

Арестованному объявляется, что он является таковым только через несколько дней или месяцев, или даже лет. В начальный период заключения не возникает вопроса о необходимости извещения родственников арестованного, поскольку формально он и не арестован.

Подписание Китаем 12 декабря 1986 года «Конвенции против применения пыток», которая, как предполагалось, вступила в силу в конце 1988 года, ничего не изменило на практике.

Методы и инструменты пыток и жестокости были описаны бывшими заключенными, испытывавшими их на себе. К ним относятся: избивание электрическими дубинками, ногами, кулаками, прикладами и даже железными прутьями. В тюрьмах с целью получения признания вины применялись жестокие и унижительные пытки, такие как натравливание сторожевых собак на заключенных, использование электрических дубинок, в унижающих, особенно женщин, издевательствах, прижигание сигаретами, электрошок и т. п. Один недавно сбежавший из Восточного Тибета сотрудник китайской службы безопасности рассказал о тридцати трех способах пыток заключенных. К тому же постоянно изобретаются новые методы пыток, о чем можно узнать, по крайней мере, в одном из партийных документов, распространенном в Тибете для служебного пользования [To Control Others, First Control Yourself! H'o Phan in TAR Internal Party Study Document, in Tibetan, issue No. 2, September 1989. P. 2 Iff.].

Игнорирование процессуальных норм

В китайском законодательстве отсутствует важнейшее положение, гарантирующее соблюдение прав человека, а именно: презумпция невиновности.

Наказания, присуждаемые политическим заключенным, часто несоизмеримы с приписываемыми им преступлениями. Заключенные часто задерживаются надолго без предъявления обвинения и редко предстают перед судом.

Административное задержание санкционируется полицией или местными властями без участия независимого судебного надзора. Так же без надзора полиция имеет право определять длительность административного задержания на период от нескольких дней до нескольких лет. Хотя китайские «Правила административного управления» включают в себя право апелляции, но все сделано так, чтобы им нельзя было воспользоваться.

Отсутствует также право, гарантирующее подсудимому необходимые условия и время подготовки к защите на суде. Нет права открытого суда. Допустимая защита ограничена только возможностью просить смягчения наказания, исключая любые попытки доказательства невиновности подсудимого. Роль судей сведена к объявлению приговоров, уже определенных политическими властями. Поэтому неудивительно, что тибетцы относятся к судьям как к чиновникам, объявляющим приговор.

Свобода передвижения

Вопиющим нарушением статьи 13 ВДПР было введение Китаем ряда правил, ограничивающих свободное передвижение тибетцев по своей собственной стране. Каждый тибетец должен быть зарегистрирован в определенном месте, где только он и имеет право жить и покупать продукты питания. Для перемещения с места на место с определенной целью, даже на короткое время, требуется официальное разрешение. Было много случаев, когда тибетцев заставляли уезжать из Лхасы в их родные деревни. Например, это было осуществлено 23 мая 1990 года, когда Китай готовился отмечать 40-ю годовщину захвата Тибета, а также после подавления демонстраций 5—7 марта 1989 года, когда 40 тысяч тибетцев были отправлены в их деревни. В августе 1992 года китайские власти выгнали около шести тысяч тибетцев—бездомных и паломников,—которые скопились за восточной больницей Лхасы. На этом месте сейчас находятся китайские офисы и магазины.

Международное внимание к нарушениям прав человека

Заверения Китая в том, что НОАК пришла «освободить» Тибет, противоречат содержанию отчета по Тибету Международной комиссии юристов 1960 года. В нем говорится, что Китай виновен в систематическом нарушении прав человека в Тибете, включая акты геноцида [см. ICJ Report. 1960]. Три резолюции ООН 1959, 1961, 1965 годов, призывающие Китай уважать законные права тибетцев, включая право на самоопределение, подтверждают эти выводы Комиссии.

Поддержка парламентов и правительств

Недавно многие страны в решениях своих парламентов по Тибету призвали китайское правительство уважать права тибетского народа. Это сделали Европарламент (14 октября 1987 г., 15 марта 1989 г., и 25—26 апреля 1990г.), Западная Германия (15 октября 1987 г.), Италия (12 апреля 1989 г.), Австралия (6 декабря 1990 г., 6 июня 1991 г.) и т. д. Сенат и конгресс США приняли более десяти совместных резолюций, призывающих Китай уважать политические и гражданские права тибетского народа. 28 октября 1991 года президент США Дж. Буш сделал законом резолюцию конгресса, объявившую Тибет, «согласно признанным принципам международного права, оккупированной страной, подлинными представителями которой являются Далай-лама и Тибетское правительство, признанные тибетским народом». Одновременно многие правительства выразили свою озабоченность тибетским вопросом непосредственно китайскому правительству.

Озабоченность положением в оккупированном Тибете была выражена парламентскими группами поддержки Тибета разных стран, таких как Индия (27 апреля 1989 г.), Австрия (24 мая 1989 г.), Австралия (9 марта 1989 г.), Швейцария (16 марта 1989 г.) и др.

Обсуждение тибетского вопроса в ООН в последнее время

В 1985 году в ООН снова обсуждалось положение с правами человека в Тибете. Различные неправительственные организации призвали Комиссию ООН по правам человека заняться тибетской проблемой. С тех пор эта проблема всегда обсуждается на форумах по правам человека, проводимых ООН, почти на всех сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и на подкомиссиях ООН.

Так, на 46-й сессии ГА ООН в феврале 1990 года представители стран Общего рынка, США, Канады, Швеции и Австралии обратились к проблеме Тибета. В связи с этим был выпущен в свет под эгидой ООН ряд заявлений национальных правительств относительно дискриминации, самоопределения и военного положения в Тибете.

Другие комитеты и подкомитеты ООН провели подробные слушания вопроса о положении с правами человека в Тибете, на котором постоянно критиковались уклончивые ответы Китая. Сюда относятся и четвертая сессия Комитета против применения пыток и Комитета за устранение всех форм расовой дискриминации.

23 августа 1991 года Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите национальных меньшинств приняла резолюцию «Ситуация в Тибете» (1991 /10), в которой выражается озабоченность по поводу «постоянно поступающих сообщений о нарушениях основных прав и свобод человека, угрожающих уникальному культурному, религиозному и национальному единству тибетского народа».

Забавно, но это подтверждает высказывание Мао о том, что правое дело всегда находит много сторонников.

Миф о самоуправлении Тибета

В своей «Белой книге» китайцы заявляют, что в ходе «демократической реформы 1959 года» была «создана новая политическая система народной демократии» и что тибетский народ «стал хозяином своей страны». Ничто не может быть дальше от истины, чем эти утверждения. Хотя «ТАР» был объявлен автономным, тибетцы играют маленькую или не играют никакой роли в управлении собственными делами. Реальной властью здесь всегда обладала КПК в лице первого секретаря районного комитета партии ТАРА, которым всегда был китаец: в 1959 году Чжан Гохуа, за которым последовали Цзэн Юнь-я, Жэн Жон, Инь Фатан, Юй Цзинь-хуа, Ху Цзинь-тао, Чжэн Гуй-янь.

Даже такие высшие тибетские чиновники, как Нгапо Нгаванг Джигме, не могли принимать решений без согласия «подчиненных» им китайцев. Им даже не позволяли задерживаться в Тибете: визиты делались только для того, чтобы выполнить поручения китейского правительства. Особенно такие ограничения были наложены на передвижения ныне покойного Панчен-ламы.

На так называемых демократических собраниях обсуждались заранее подготовленные вопросы, касавшиеся партийной жизни организаций КПК, чтобы поднятием рук выразить свое

радостное согласие и одобрение всему предложенному. Всякий критицизм, исправление ошибок, альтернативные предложения воспринимались как непозволительное «богохульство». Предопределенный результат таких собраний объявлялся затем «демократическим решением народа».

Какое бы положение тибетцев ни занимал в китайской иерархии в Тибете, у него всегда был «подчиненный» китайский чиновник, который и осуществлял реальную власть. В самых высших структурах власти, таких как так называемый Департамент экономического планирования «ТАРа» или Департамент кадрового состава, число китайских чиновников и работников канцелярий намного превосходило число тибетских служащих.

Что касается так называемых выборных народных депутатов, то все их кандидатуры предопределяются китайским руководством. После голосования победители снова выбираются теми же руководителями, которые предложили кандидатов.

Примерно около половины населения Тибета, разбросанного по соседним китайским провинциям, не участвует в выборах как часть политически единой нации, а определяется как незначительное меньшинство избирательных округов, находящихся на их собственной земле.

Социально-экономические условия жизни и колониализм

Введение

«Цена, которую Тибет заплатил за это развитие, оказалась значительно выше, чем прибыль от него». Это было окончательным мнением Панчен-ламы относительно результатов трех десятилетий правления китайцев в Тибете.

Год за годом китайское правительство возвещало о громадном экономическом успехе в Тибете: об обильных урожаях, росте промышленности, улучшении инфраструктуры и т. д. Об этом говорилось даже тогда, когда впервые в своей истории Тибет переживал голодные годы (1961—1964 гг. и 1968—1973 гг.). Позже китайское правительство проводило катастрофическую экономическую и социальную политику, навязанную тибетскому народу. При знакомстве с данными Китая по Тибету две вещи нужно иметь в виду, оценивая социальные и экономические изменения в Тибете. Во-первых, нельзя принимать китайские заявления за чистую монету. Оказывается, что даже государственная статистика корректируется, чтобы подтвердить определенный политический взгляд, а не показать действительное положение вещей. Во-вторых, жизнь показывает, что не тибетцы, извлекали пользу из экономического положения своей страны. Главный выигрыш от новой открытой экономики Китая получили китайские поселенцы в Тибете, их правительство, военные и предприниматели.

Одним из китайских лидеров, имевшим честь и смелость признать провал китайской политики по улучшению жизни тибетцев, был бывший секретарь КПК Ху Яо-бань. Во время своего визита в Тибет в 1980 году Ху публично признал, что тибетцы ничего не получили от хваленой китайской «помощи». Он посетил тибетские семьи в нескольких коммунах, включая «Антиимпериалистическую коммуну». Недовольный вопиющей бедностью тибетцев, он созвал совещание высших чиновников «ТАРа» и потребовал узнать, вся ли финансовая помощь, предназначенная Тибету, была «выброшена в реку Ярлунг». Он выразил недовольство по поводу того, что в противоположность заявлениям китайской пропаганды уровень жизни тибетцев с 1959 года упал и что проживание большого количества китайцев в Тибете, особенно правительственных чиновников, серьезно помешало развитию региона.

И он незамедлительно заявил, что должны быть предприняты меры, чтобы за три года поднять уровень жизни тибетцев до показателей предшествовавших 1959 году и отозвать

85% китайского аппарата. Секретарь партийной организации «ТАРа» Инь Фатан подытожил впечатления Ху Яо-баня от посещения Тибета, сказав, что регион погрузился «в нищету и отсталость» [*Red Flag*. 1983. No. 8]. Пропасть между заявлениями Китая и истинным положением дел в Тибете легче понять, если иметь в виду, что китайское правление в Тибете, по существу, является колониалистским. В колониальное время было обычным делом то, что колониальная власть высокомерно заявляла об экономическом и социальном прогрессе, которого она добилась в «отсталой» колонии. Действительно, во многих случаях экономическое развитие было налицо, но местное население делало больше в пользу колониальной власти и ее структур, чем получало себе обратно. Одной из характерных черт колониализма является эксплуатация колонии, прежде всего, в интересах колониальной власти. Сегодня это полностью относится к Тибету.

Социально-экономическая реформа, проводившаяся с 1949 года

Вскоре после вторжения в Тибет Китай начал насильно осуществлять далеко идущую программу коллективизации. Стада были конфискованы у скотоводов и земледельцев, а сами они были организованы в бригады и коммуны. Скотоводы выращивали свои же стада, не имея права на продукты своего труда. В таком же положении были и земледельцы. Их средний рацион выживания состоял из 5-6 фунтов масла, 10 фунтов мяса, 4-5 кхелей (1 кхель равна примерно 25-30 фунтам) цампы. В скотоводческих районах Тибета в периоды с 1961 по 1964 год и с 1968 по 1973 год голод был явлением, распространенным широко. Тысячи и тысячи тибетцев должны были употреблять в пищу грызунов, собак, червей и многое другое, только чтобы выжить. В 1979 году новое китайское руководство начало политику либерализации, что позволило осуществить программу деколлективизации, которая в некоторой степени позволила улучшить положение в Тибете.

Однако до сих пор положение вещей остается неудовлетворительным. Имея доход на одного человека в 1990 году \$80, 21,7% грамотных среди взрослого населения, среднюю продолжительность жизни 40 лет, «ТАР» достиг в 1991 году только индекса 0,087 по классификации развития народов ООН. Теоретически Тибет занимает 153 место среди 160 наций мира, находясь между Республикой Чад и Джибути.

Китайским властям также известны эти цифры. Выступая в Пекине на третьем заседании седьмой сессии Народного Собрания КНР в марте 1990 года. Председатель народного правительства «ТАРа» Дордже Церинг сказал, что Тибет (автономный район) остается еще очень бедным регионом с годовым доходом около 200 юаней. Растущее число нищих — яркое напоминание об экономических проблемах, с которыми столкнулись тибетцы. 15 числа месяца сакадава (четвертый месяц по тибетскому календарю), после того как отец г-жи Дрокьи из Сок Дзонга роздал по пять фенов (100 фенов = 1 юаню) каждому нищему в центре Лхасы, оказалось, что он роздал 500 юаней, но еще половина нищих осталась без милостыни.

В своей «Белой книге» китайцы вновь утверждают, что их правление принесло тибетцам процветание, большие социальные, политические и культурные блага. Они жалуются, что их «цивилизаторская» миссия стоит правительству и народу больших затрат в форме субсидий отсталой стране. Согласно китайской статистике, ежегодные субсидии «ТАРу» в 80-х годах составляли около одного миллиарда юаней или 270 млн. долларов США. Но китайское правительство не желает говорить о том, что оно заработало на Тибете больше, чем вложило в него. В денежном выражении объем вывезенного в Китай строевого леса намного превосходит ту финансовую помощь, о которой все время говорится. И при этом не берутся в расчет вывезенные в Китай такие минеральные ресурсы, как уран, золото, серебро, медь, бура, хром и другие, а также бесценные произведения искусства.

В любом случае львиная доля китайских субсидий пошла на содержание китайского персонала в Тибете и послужила как подъемные средства китайским переселенцам. Тибетцы почти ничего из субсидий не получили. Это становится ясным, если

познакомиться со значительной разницей в дотациях городскому и сельскому населению. Так, в конце 70-х годов и начале 80-х средняя дотация на городского жителя составляла \$128, а на сельского — только \$4,5. В таких городах, как Лхаса, Ньингтри, Гьянгце, Нагчхукха, Нгари, Шигацзе, Цетханг, Чамдо и т. д., и в прилегающих к ним местностях, большую часть населения составляли китайские переселенцы и персонал. Тибетское же население сконцентрировано главным образом в сельских районах. Поэтому значительная часть китайских субсидий предназначается для поддержки китайского населения, живущего большей частью в городах, и обеспечения их инфраструктурой.

К тому же, дотируются преимущественно те продукты, которые потребляются, прежде всего, китайцами, а не тибетцами. Основная пища тибетцев—это цампа, которая делается из ячменной муки, хотя горожане или селяне побогаче имеют в своем рационе пшеницу или рис. Однако дотируются только пшеница и рис. К 1985 году цена на ячмень была свободной и составляла 76 фенов за килограмм. В то же время рис стоил 40 фенов при закупочной госцене 90 фенов, пшеница—от 44 до 48 фенов при закупочной госцене от 112 до 126 фенов за килограмм (UNDP. 1986). Такая политика субсидий делала жизнь для китайских поселенцев в «ТАРе» более привлекательной, в то же время более бедным тибетцам становилось тяжелее выживать тем способом, к которому они привыкли.

Лесная и горнодобывающая отрасли не только получают крупные вливания китайской «финансовой помощи», но и являются областями промышленности, которые привлекают наибольшее количество иммигрантов из метрополии, а вся их продукция вывозится в Китай.

Тибетцы же доведены до положения маргиналов и не имеют должного контроля над своими ресурсами. Возьмем, к примеру, строительство дорог. Основными причинами строительства дорог в Тибете являются: необходимость размещения по всей стране войск НОАК, строительство военных объектов, обеспечение иммигрантов из Китая, широкая вырубка леса и добыча минералов, которые вывозятся прямо в Китай. Дороги проходят через большинство тибетских деревень, но при этом в сельской местности почти нет системы общественного транспорта. Современные транспортные средства, принадлежащие Китаю, не доступны для большинства тибетцев. В некоторых деревнях автобусы перевозят людей один раз в неделю, но пассажирами являются всегда китайские служащие. В большинстве районов тибетцы продолжают использовать лошадей, мулов, яков, ослов и овец в качестве транспорта. Грузовики, доставляющие китайской администрации все необходимое, стали привычным средством передвижения для многих тибетцев.

Поэтому китайский образчик экономического развития Тибета нацелен на то, чтобы контролировать в собственных целях тибетскую экономику, а не на то, чтобы стимулировать инициативу, предприимчивость и производство продукции. Такая экономика создает порочный круг, когда местные потребности в товарах удовлетворяются за счет снабжения продукцией китайских госпредприятий. Прибыль этих предприятий возвращается в форме субсидий, создавая условия для дальнейшего «выкачивания» природных ресурсов, необходимых для работы тех же самых предприятий. В свете этого опыта мы не можем не рассматривать объявление политики открывания для западных инвестиций экономики Тибета, иначе как меру, ускоряющую процесс переселения китайцев в Тибет и интенсифицирующую эксплуатацию природных ресурсов Тибета в интересах колониальной власти.

В любом случае суть проблемы не в том, кто способен строить много фабрик или достигать более высокого национального дохода. Никакая иноземная власть, какой бы эффективной и современной она ни была, не имеет права устанавливать свое правление в другой стране.

Дискриминация в здравоохранении

Здравоохранение есть не только в городе, но служит оно богатым лучше, чем бедным. Только 10% финансовых средств, выделенных на здравоохранение, направляются в сельские районы, а 90% уходит в города, где проживает большая часть китайских переселенцев и где находится большая часть больниц. Даже если медицинские услуги и доступны тибетцам, то оказываются слишком дорогими для них. За [стационарную] госпитализацию необходимо платить взнос от 300 до 500 юаней (\$80 или 133) —

огромная сумма для страны, где годовой доход на душу населения составляет 200 юаней. Также хирургическая операция и переливание крови возможны только для тех, кто способен заплатить. При этом тибетцы, как правило, беднее китайцев.

Китайцы утверждают, что в «ТАРе» находится 3700 докторов и младшего медперсонала. Давайте посмотрим. Большинство врачей не имеют квалификации. Как правило, это люди, которые не смогли сдать или сдали очень слабо квалификационные экзамены и вследствие этого не имели перспективы найти работу в самом Китае. Некоторые из них проходили подготовку в течение трех лет в медицинских центрах начального обучения в «ТАРе». В районных клиниках, укомплектованных «босыми» докторами, персонал имеет полугодовую подготовку, и создан главным образом для того, чтобы дать работу детям и членам семей китайских чиновников.

Есть много свидетельств о том, что китайские врачи и медперсонал используют тибетских пациентов, как морских свинок, чтобы упражняться в своей профессии. Хорошо известно, что китайским молодым врачам, посланным в Тибет, доверяется самостоятельный надзор над больными тибетцами, с которыми они могут делать все, что им вздумается. Известно и о том, что обычных тибетских больных лечат не от тех болезней, на которые они жалуются. Также часто делаются без всякой нужды операции.

Несколько примеров. В августе 1978 года Келзанг из Маркхама со своей женой Йоудон привезли свою двадцатилетнюю дочь, беременную уже три месяца, в Госпиталь № 2 «ТАРа» (тогда называвшийся «госпиталем для рабочих») на обследование. Китайский доктор сделал совсем ненужную операцию. Пациентка умерла через два часа в сильных мучениях.

Примерно в то же время произошел другой случай: когда электрик Лхасской электростанции по имени Мигмар привез свою 25-летнюю жену в Лхасскую городскую больницу, чтобы сделать операцию, то в результате неудачно сделанного «кесарева сечения» и мать, и ребенок погибли. Когда тело женщины было расчленено [по тибетскому обычаю.—*Ред.*] для «похорон на небесах», в ее теле были найдены ножницы. А примеров таких смертей в тюрьмах очень много. В сангьипской тюрьме наставник покойного Панчен-ламы Нгулчу Ринпоче и еще один человек по имени Тетхонг Чи-Джигме умерли в результате инъекции неизвестного вещества. В Драпчхи заключенный по имени Сонам Бхагдро, будучи здоровым, умер в результате инъекции после жестокой пытки. Не очень давно, после 1987 года, тибетцы Лхакпа Церинг, Цамла Меток Чоезед умерли при таких же обстоятельствах после «лечения».

Последствием плохого медицинского обслуживания тибетцев и низкого состояния общественной гигиены стал высокий уровень смертности. Согласно данным Мирового банка 1984 года и данным UNDP 1991 года, в 1981 году примерный уровень смертности на тысячу населения составлял 7,78 человека в «ТАРе» и 9,92—в Амдо, против 6,6 — в Китае. Высок уровень и детской смертности: 150 детей на тысячу в Тибете против 43 — в Китае. Согласно данным Мирового банка, заболеваемость туберкулезом в «ТАРе» составляет 120,2 человека на тысячу, а в Амдо — 647.

Статистика по продолжительности жизни в Тибете не достоверна и сильно отличается по различным источникам. Так, по данным Мирового банка, средняя продолжительность жизни в Тибете и в Амдо составляла в 1990 году 61 год против 70 лет в Китае, поднявшись с отметки 47 лет в 1960 году—по данным UNDP 1991 года. В одном из независимых источников, основывающемся на признаниях самих китайцев, предполагается, что средняя продолжительность жизни тибетцев не превышает 40 лет.

Дискриминация в образовании

Политика КНР в течение трех последних десятилетий, касавшаяся системы образования в Тибете, была охарактеризована покойным Панчен-ламой. Выступая на первом собрании Китайского института тибетологии в 1988 году, он сказал:

«Страна, которая начиная с седьмого столетия сама определяла свою судьбу в течение 1300 лет, после своего освобождения утратила свой язык. Были ли мы отсталыми или делали ошибки, мы сами определяли свою жизнь на самом высоком плато мира, пользуясь своим родным языком. Наш язык сохранил все, чего мы достигли в нашей культуре: буддийское учение, народные ремесла,

астрономию, астрологию, поэмы, логику, юридические и политические труды. Когда был создан Институт тибетологии, я выступил во Дворце народа и сказал, что изучение Тибета должно основываться на том, что Тибет обладает своей собственной религией и культурой. До сих пор мы это недооценивали. Не может быть, что партия сознательно стремится к гибели тибетской культуры, но я хотел бы знать, выживет ли тибетский язык или будет искоренен».

В независимом Тибете более шести тысяч мужских и женских монастырей служили школами и университетами, удовлетворяя потребности населения в образовании. Кроме того, Тибет имел много государственных и частных школ. Для китайского правительства эти традиционные образовательные центры были источником слепой веры, обеспечивающей феодальный порядок. Вместо монастырей китайцы заставляли тибетцев в земледельческих и скотоводческих областях создавать независимые «народные школы». Но само китайское правительство не выделило ни одного цента на эти школы.

Эти школы нужны были Китаю больше для пропагандистских целей, чтобы впечатлять мир внушительной статистикой. Китай утверждает, что в «ТАРе» было открыто около 2500 начальных школ. Однако большинство этих школ нельзя, собственно, назвать тем, что принято считать школами. Большинство учителей не способно научить школьников даже элементарному тибетскому языку. Естественно, что школьники не были заинтересованы посещать такие школы. Из практических соображений большая часть «народных школ» была закрыта.

В официальном китайском издании *«Тибет ревью»* (№ 2, 1986) три китайских социолога признали следующее:

«В "ТАРе" насчитывается только 58 средних школ, из которых только 13 отвечают своему назначению. Существуют 2450 начальных школ, из которых только 451 содержится государством, а более двух тысяч школ финансируются самими жителями. Эти школы очень слабые и не оборудованы должным образом. Результативность обучения в них или крайне низка, или равна нулю. Поэтому говорить о наличии научных основ образования в этих школах не имеет смысла. В настоящее время 90% фермеров и скотоводов не получили даже минимума необходимого среднего образования. В таких условиях разговоры о полном среднем или университетском образовании напоминают предложения людям есть досыта, когда нет достаточного количества пищи. Только около 45% детей школьного возраста посещают начальную школу и только 10,6% из них получают неполное среднее образование. Другими словами, 65% детей не получают даже начального образования. Во всем "ТАРе" сейчас немногим более девяти тысяч учителей для разных типов школ. Это число намного меньше требуемого. 50 % учителей не имеют нужной квалификации. Равенство между нациями в этом вопросе может быть достигнуто, если все это серьезно изменить в лучшую сторону».

В период между 1959 и 1966 годами китайское правительство провело несколько кампаний по «контролю над интеллектом» с целью укрепить свою власть в Тибете. Образованные и талантливые тибетцы-ламы, настоятели монастырей, геше, ученые и другие образованные люди были посажены в тюрьмы и отправлены в трудовые лагеря. Таким образом, пока квалифицированные учителя томились в тюрьмах, школами руководили неквалифицированные преподаватели.

Представители китайского правительства сообщили третьей ознакомительной делегации по образованию от Тибетского правительства в эмиграции, что в Тибете есть 2511 школ. Г-жа Джецун Пема, глава делегации, свидетельствует :

«Где бы мы ни были, было крайне сложно договориться о посещении какой-либо школы. Нам говорили, что "школа закрыта на летние каникулы", "директор сейчас отсутствует", "у детей сейчас обед" (это в 10 часов-то). После таких отговорок делегаты только заглядывали в классы и видели, что там были складированы лесоматериалы. Иногда делегатам показывали сельские классы под навесом, и когда они приподнимали брезентовый пол, то видели, "что трава под ним была совсем зеленой"».

Джон Биллингтон, заведующий учебной частью английской школы Рептон, много ездил по Тибету в 1988 году и пришел к следующим выводам:

«В сельских местностях вы можете увидеть большое количество детей, работающих в полях, косящих траву, стригущих овец, собирающих навоз яков, убирающих стойла. Приходишь к выводу, что они не ходят в школу: и в большинстве случаев потому, что школ-то нет. Грустно слушать стариков, которые рассказывают о том, что раньше при каждом монастыре была школа, но после того как монастыри были разрушены, эти маленькие школы не были восстановлены. В глухих местах я встречал пожилых пастухов, которые умели и писать, и читать. Это было жестоким напоминанием о пренебрежении китайцев к будущему внуков этих людей».

Важным является вопрос о том, кто пользуется учебным оборудованием в Тибете. В своей «Белой книге» китайцы заявляют, что они вложили 1,1 миллиард юаней в развитие системы образования в Тибете. Как бы правдиво ни было это заявление, ясно одно: китайские учащиеся, живущие в Тибете, являются основными потребителями этих вложений. 30—50% затрат на образование в «ТАРе» выделяется Тибетскому национальному университету, находящемуся в китайском городе Шеньян. Этот университет обладает лучшим оборудованием среди всех

учебных заведений для тибетцев. Но при этом большинство китайских преподавателей и служащих этого университета прежде были в составе 18-й армии, которая вторглась в Тибет. С другой стороны, большинство студентов — это дети и родственники китайских чиновников, работающих в Тибете и в других местах.

В самом Тибете лучшие школы находятся в Лхасе, Шигацзе, Гьянгце, Чамдо, Силлинге, Кьигудо, Дарцедо и Дечене. Но и эти школы предназначены прежде всего для детей китайских кадров. В этих финансируемых китайским правительством школах тибетские учащиеся обучаются отдельно от китайских, причем лучшие преподаватели работают в китайских классах. У студентов даже разные столовые, которые разделяются на «для питающихся цампой» и «для питающихся рисом». Качество пищи для китайского «стола питающихся рисом» значительно выше.

Ежегодно определенное количество мест в университетах официально предоставляется тибетцам, на образование которых расходуется часть бюджета, предоставляемая Тибету на развитие этой сферы. Однако большинство этих мест отдается китайским студентам. Чтобы поступить в университет, молодой человек должен закончить полную среднюю школу и выдержать серьезные экзамены. Поскольку экзамены принимаются на китайском языке, то тибетцы часто не выдерживают их, и их места достаются китайским студентам. Сформировалась тенденция, когда китайские абитуриенты, не выдержавшие экзамены в учебных заведениях Китая, отправляются в Тибет, чтобы там пересдать их. Поскольку общий уровень образования значительно ниже в Тибете, чем в Китае, то китайцы в этом отношении выглядят лучше, чем тибетцы, и поэтому занимают их места в университетах.

Первая австралийская делегация по правам человека, прибывшая в Китай, также отмечала это в своем докладе:

«Хотя делегация отметила стремление правительства повысить образовательный уровень тибетцев, еще много тибетских детей не имеют начального образования. По-видимому, тибетские дети в Лхасе и близлежащих районах получают довольно ограниченное начальное и среднее образование. Некоторые из них говорят, что никогда не посещали школу или были вынуждены оставить ее из-за условий жизни, когда им было десять лет».

В своей петиции к китайским властям 20 февраля 1986 года преподаватель английского языка Тибетского университета в Лхасе Таши Церинг заявил:

«В 1979 году 600 студентов из Тибетского автономного района учились в Тибете и Китае. Среди них было только 60 тибетцев. В 1984 году в трех больших школах Тибета по спискам обучалось 1984 учащихся, из которых только 666 были тибетцами. В этом же году из Тибета было послано учиться в университеты метрополии 250 студентов. Но только 60 из них были тибетцы. Большая часть государственных расходов, предназначавшихся на образование тибетцев, была израсходована на обучение китайских студентов. Даже сегодня 70% тибетцев остаются неграмотными.

Из 28 классов Лхасской средней школы № 1—12 укомплектованы тибетцами. Из 1451 учащегося 933 — тибетцы, 518 — китайцы. Не только китайские учащиеся не учат тибетского языка, но 387 тибетских учащихся тоже его не учат. Только 546 тибетцев занимаются своим языком. Из 111 учителей — только 30 тибетцев, из которых только семь учат тибетскому языку. Я слышал, что лучшие учителя преподают в китайских классах, а менее квалифицированные — в тибетских. В Лхасской начальной школе № 1 — 34 тибетских класса и столько же китайских. Тысяча учащихся — тибетцы и девятьсот — китайцы. 200 тибетских учеников не занимаются своим родным языком. Из 136 учителей только 18 обучают тибетскому языку. После деколлективизации много сельских школ было закрыто: в них не было или учеников, или учителей.

В Лхасском тибетском университете обучается 413 тибетских студентов и 258 китайских. 251 тибетец обучается тибетскому языку и литературе и 27 — тибетской медицине. Только 135 тибетцев получают знания по современным предметам. Тибетские факультеты имеют общее название — «факультеты политического управления». Это потому, что власти, оставив за тибетцами 60% мест, а за китайцами—40%, сгруппировали большинство тибетцев на двух тибетских факультетах, предоставив большую часть мест на потоках современного образования китайским студентам. На английском отделении учатся только два тибетца и 14 китайцев».

С 1966 года стало ясно, что осуществляется полная ки-таизация образования. Тибетский язык был объявлен языком религии и его преподавание было запрещено. Еще раньше в те же 60-е годы учителям-монахам и монахиням, так же как и учителям-мирянам, почти всем было приказано оставить свою преподавательскую работу. Учебники тибетского языка были объявлены «книгами слепой веры», и было предложено не применять их в обучении. Вместо них в школьную программу были включены книги Мао Дзэ-дуна и газеты. Детей учили тому, что тибетская религия — это мракобесие, тибетские традиции — «примитивизм», тибетский язык — «бесполезный и отсталый язык», прежнее тибетское общество — «крайне отсталое, дикое и насильственное». Те, которые соглашались с китайцами, считались прогрессивными людьми, а те, которые не соглашались, объявлялись

контрреволюционерами, реакционерами и классовыми врагами. Естественно, что целое поколение тибетских детей выросло, не зная культуры, истории, традиций своей страны.

Тибетские названия домов, дорог и мест были заменены китайскими с марксистским содержанием. Многие тибетцы вынуждены были сменить свои имена на китайские. Норбулинге, летнему дворцу с парком Далай-ламы, было дано китайское название «общенародный парк». Тибетский язык стал умышленно заполняться китайскими словами и выражениями.

В книге под названием «Сборник документов по тибетским национальностям 1965—1985 гг.», предназначенной для служебного пользования в «ТАРе», был сделан критический вывод относительно китайской политики вытеснения тибетского языка из сферы управления и образования:

«Учителей тибетского языка и лиц, способных переводить на тибетский, осталось очень мало. В результате стало очень трудно обучать этому языку, а также составлять официальные документы на двух языках. Большое количество тибетских чиновников не может правильно читать и писать на своем языке. Не могут они проводить и политику партии в массы по этой причине».

В одном из изданий Китайского института тибетологии старший лектор Цинхайского университета национальностей Сангай отмечал:

«Некоторые придерживаются точки зрения, что использование тибетского языка является препятствием для экономического развития... Местные власти решили, что только китайский язык должен изучаться и быть в употреблении... Эта политика осуществлялась в течение многих лет. Окончательный результат: люди не могут пользоваться на письме ни тибетским, ни китайским языками. А экономическая стагнация продолжилась».

Китайское правительство не расположено улучшать качество образования в самом Тибете. С 1985 года делались попытки обеспечить тибетцам доступ к высшему образованию. Делалось это за счет увеличения числа студентов, посылавшихся в школы и университеты Китая. Способные тибетские дети отбираются из тибетских школ и посылаются в китайские школы. Тибетцы справедливо рассматривают такую политику, как подрывающую их собственную культуру. Покойный Панчен-лама сказал, что отсылка на учебу тибетских детей в Китай приведет только к отчуждению их от корней собственной культуры.

Катриона Басе, работавшая в 1985 году преподавательницей английского языка в Лхасе, отмечала:

«В те годы в Китае обучалось четыре тысячи тибетских детей. Теоретически эти дети принесли пользу. Они составляют основное богатство страны, и, возможно, это самый эффективный путь обучения тибетцев в короткий срок. Но эта политика проводится с 50-х годов. Вместо того чтобы уменьшить количество детей, посылаемых в Китай, и тратить средства на улучшение образования в Тибете, правительство объявило о планах послать в Китай к 1993 году ни много ни мало десять тысяч детей.

По мнению многих тибетцев, эта политика представляет наиболее серьезную угрозу культурному единству нации. Некоторые полагают, что правительство стремится уничтожить культурные ценности тибетцев изнутри посредством воспитания слоя образованных тибетцев, не знающих и игнорирующих культуру своего народа».

Успехи тибетской эмиграции

Китай настаивает на том, что его присутствие в Тибете оправдано той помощью, которую Китай предлагает с целью развить и сделать цивилизованным отсталый народ Тибета. Но предоставленные самим себе тибетцы прекрасно сами ведут свои дела. Успехи тибетцев, находящихся в эмиграции, лучшее свидетельство этому.

Тибетское правительство в эмиграции, индийское правительство и международные спонсоры вложили свыше 1,5 миллиардов индийских рупий с 1959 года в образование тибетских беженцев. Тибетское правительство в эмиграции направило 65% своего бюджета на образование тибетских детей. Сюда не входят большие затраты на обучение монахов.

Сейчас в восстановленных мужских и женских тибетских монастырях в Индии живет около 11 тысяч монахов и монахинь. В Индии было создано много специализированных институтов с целью сохранения находящейся в опасности тибетской культуры. Центральный институт высших тибетских исследований в Варанаси (штат Уттар Прадеш) предоставляет возможность получить традиционное и современное образование как тибетцам, так и буддистам из разных районов Гималаев, многие из которых работают сейчас в тибетских школах и центрах высшего образования. Некоторые из них работают более чем в 700 тибетских религиозных и культурных центрах, разбросанных по всему миру. В индийском штате Химачал Прадеш восстановлена штаб-квартира религии тибетского происхождения — бона.

Тибетский институт медицины и астрологии в Джарам-сале оказывает медицинскую помощь больным со всего мира. Также в нем обучаются медицине и астрологии. Выпускники института работают врачами в тибетских поселениях Непала, Индии, Бутана, а также в других странах мира.

Библиотека тибетских трудов и архивов в Джарамсале и Тибетский Дом в Нью-Дели служат центрами подготовки иностранных ученых в области тибетской истории, языка и культуры. Библиотека тибетских трудов и архивов является ведущим, получившим международное признание центром тибетологии. К 1992 году около пяти тысяч исследователей из тридцати стран нашли поддержку и помощь в центре.

Тибетский институт театральных искусств в Джарамсале сохранил традиционное тибетское искусство оперного танца, пения и музыки и представил его с большим успехом во всем мире. Многие преподаватели высших искусств, работающие в разных тибетских школах в Индии, Непале, Бутане, получили свою подготовку в этом институте.

Тибетский полиграфический культурный центр в Джарамсале и другие издательские центры сохраняют традицию издания Буддийского канона, Кагьюра и Тенгьюра, а также и тысяч других тибетских традиционных книг и писаний.

Сегодня в Индии, Непале и Бутане действуют 84 тибетских начальных, неполных и полных средних школ с общим числом учащихся 26 тысяч человек. Из них 17 предоставляют постоянное жилье и еще семь — временное гостиничное жилье. Кроме того, существуют еще 55 подготовительных школ. Согласно статистике, составленной Плановым советом Тибетской администрации в Джарамсале, 92% детей иммигрантов в возрасте от шести до 17 лет посещают школу, из них 84% учатся в тибетских школах. В этих школах работает всего 1280 учителей, и на каждого учителя в среднем приходится 20 учеников. Обучение в этих школах для тибетских детей — бесплатное и доступное. Способным учащимся выплачивается стипендия, чтобы они могли совершенствоваться в какой-либо профессии. Другие же обучаются ремеслам.

К 1992 году три тысячи студентов-эмигрантов получили университетское образование. Ежегодно 400—500 учащихся заканчивают полную среднюю школу. Из них 200 или 250 выпускников получили возможность продолжить свое образование в Индии или за границей. Сегодня тибетская система образования в эмиграции готовит врачей, администраторов, докторов философии, инженеров, аспирантов, журналистов, работников социальных сфер, юристов, программистов и т. д. Выпускники после окончания образования работают в правительственных учреждениях и в других организациях. 99% работающих в аппарате тибетского правительства в эмиграции получили свое образование в Индии. В течение многих лет тысячи молодых тибетцев совершали опасные и отчаянные путешествия через Гималаи в Индию, где они и их родители только и надеялись на получение полноценного образования. То же самое отмечала и первая побывавшая в Китае австралийская комиссия по правам человека:

«Молодые люди, говоря о своем желании получить образование, видят только одну возможность — попасть к своим соотечественникам в Индию, где, по крайней мере, оно доступно, несмотря на все другие сложности жизни».

Начиная с 1979 года около пяти тысяч монахов и монахинь бежало в Индию, чтобы получить возможность заниматься религиозным учением. Кроме того, более четырех тысяч новых беженцев в возрасте от 5 до 25 лет были приняты на обучение в тибетские школы в Индии.

Если бы заявление Китая было истинным, то тогда не было бы необходимости этим молодым тибетцам покидать свою родину и родителей и уезжать в Индию.

Религия и национальная самобытность тибетцев

Введение

Самая ранняя тибетская религия бон была основана Шенрабом Миво из Шанг-Шунга, что в Западном Тибете. С распространением буддизма влияние бона уменьшилось, но и сегодня он процветает, имея активную общину среди тибетских беженцев, практикующих свою религию в Индии и Непале. Таши Менри, Юнгдрунглинг и Кхарна были главными

монастырями бона в Тибете. Бон в течение всего времени своего развития заимствовал от буддизма очень многое. В свою очередь, буддизм взял многое из бона.

Буддизм стал государственной религией в Тибете в седьмом веке. Под покровительством царей он распространился по всему Тибету. С учреждением власти Далай-лам в 1642 году наступила эра «гармоничного единства религии и политики». С тех пор в течение трех с половиной столетий десять Далай-лам осуществляли духовное и светское управление Тибетом.

Общий результат длительного управления Тибетом царями, а затем главами церкви оказался благотворным как для страны, так и для его народа. Буддизм стал не только системой верований тибетцев, он охватил всю жизнь народа и стал ее смыслом. Он наполнил собой каждый день тибетца, образовал ту социальную материю, которая соединила тибетца с Тибетом. Религия является основной из характеристик, определяющих самобытность тибетского народа и его страны.

В течение веков высокообразованные тибетцы изучали, сохраняли, практиковали, распространяли и учили этой религии, показывали ее значимость народам Азии и делились своей культурой с ними, особенно с монголами.

По словам Четырнадцатого Далай-ламы, буддизм «в корне изменил ход истории Тибета. Поколения тибетских интеллектуалов изучали и развивали эту глубочайшую культуру, которая тесно связана с буддийским учением — Дхармой. Бескорыстно трудясь веками, они достигли выдающихся результатов, которые стали уникальным вкладом нации в мировую культуру».

Монастыри, храмы, места отшельничества с проживающими в них монахами или монахинями существовали в каждой деревне или городе Тибета. В каждом тибетском доме был алтарь. Огромные монастыри, бывшие скорее монастырскими городами, такие как Дрепунг, Сера, Гаден в Лхасе, Ташилунпо в Шигацзе, Сакья в Сакье, Цурпху, Миндроллинг в Центральном Тибете, Ташикбил в амдосском Лабранге, Гаден Джампалинг в Чамдо, Литханг Гончен и другие, стали центрами высокой учености.

К 1959 году в Тибете было более 6259 монастырей, в которых жили 592558 монахов и монахинь. В этих религиозных центрах были размещены десятки и тысячи статуй, религиозных предметов, сделанных из золота, серебра и других металлов и украшенных драгоценными камнями. Одновременно из ценных металлов были построены десятки и тысячи чортонов (ступ). Кроме буддийских текстов, в них хранились труды по литературе, медицине, астрологии, искусству, политике и т. д. Они действительно были сокровищницами тибетского народа.

Единство тибетской нации стало неотрывным от религии народа. Буддийский фольклор и учение были основой поведения людей в повседневной жизни, их праздников и фестивалей, трудовой этики, отношений в семье, а также государственных дел. До оккупации Китаем Тибет был гордой и независимой страной. В Тибете была небольшая мусульманская община, владевшая собственными мечетями. Она тоже потерпела ущерб от китайцев. Кроме того, в Тибете было небольшое количество последователей индуизма и христианства. Они имели равные права с последователями других религий.

Нарушение свободы совести в 1949—1979 гг.

Первоначально, когда была осуществлена аннексия всего Тибета, китайское правительство заявило, что не будет наложено никаких ограничений на религиозную практику. Формальное обязательство Китая защищать и уважать тибетскую религиозную традицию вошло даже в «Соглашение из семнадцати пунктов». В этом «Соглашении» говорилось о том, что статус, функции и власть Далай-ламы не будут изменены и что «политика свободы вероисповеданий, определенная в Программе Народного политического консультативного совета Китая, будет осуществляться».

Однако вскоре Китай начал разрушать традиционное общественное устройство Тибета и его религию. Людям говорили, что «религия—это враг нашей материалистической идеологии, а вера в религиозное учение — это мракобесие. Поэтому вы не только не должны верить в религиозное учение, но должны порицать эту веру». Хотя с помощью китайской конституции и первоначальных заверений, сделанных тибетцам, преследовалась цель создания видимости соблюдения религиозной свободы,

окончательной целью с самого начала оставался подрыв тибетской религии. Китайское правительство заявляло:

«Китайская коммунистическая партия считает, что ее идеология и религия — вещи несовместимые... разница между ними (т. е. наукой и религией) подобна разнице между светом и тьмой, правдой и ложью. Совершенно невозможно примирить взаимно противоположные мировоззрения, науку и религию».

Такая позиция китайских коммунистов была абсолютной. Сам Мао Цзэ-дун говорил, что «религия—это, конечно, яд. У нее два огромных порока: она подрывает расу... [и] замедляет развитие страны. Тибет и Монголия отравлены ею».

К середине 50-х годов китайские власти поняли, что религия представляет основную преграду, мешающую их полному контролю над Тибетом, поэтому с начала 1956 года так называемая «демократическая реформа» начала осуществляться прежде всего в Кхаме и Амдо, а позже (в 1959 г.) — в Центральном Тибете. Монастыри, храмы, центры культуры систематически разграблялись и затем разрушались.

Во-первых, специальные команды минерологов посещали религиозные постройки, чтобы определить и изъять все драгоценные камни. Затем являлись металлурги с той же целью, после чего все ценное вывозилось на армейских грузовиках. Стены взрывались, а все деревянные балки и опоры увозились. Глиняные скульптуры разрушали в надежде найти в них драгоценные камни. Затем все, что оставалось—куски дерева и камней,—убиралось. Буквально сотни тонн ценных религиозных статуй, танок, изделий из металла и других сокровищ были перевезены в Китай или проданы на международных аукционах предметов древности, или переплавлены.

Группе тибетцев, находившихся в Китае в 1982—1983 годах с целью разыскать тибетские культовые предметы, один человек в Пекине сказал, что «большая часть тибетских произведений искусства, вывезенных в Китай, была уничтожена. Статуи и культовые предметы из золота и серебра исчезли навсегда. Предметы из позолоченной меди, бронзы, красной меди или латуни были вывезены в Луюнь, а оттуда в конце концов они были проданы в литейные Шанхая, Сычуани, Тайюаня, Пекина, Тяньцзиня и т. д. Одна только литейная Си-ю Цзин-шу те, расположенная в пяти километрах к западу от Пекина, закупила около 600 тонн тибетского металла "в виде ремесленных работ"». Эта группа пришла к выводу, что почти все предметы тибетского искусства, купленные другими литейными мастерскими, уже переплавлены.

Это физическое оскорбление и уничтожение сопровождалось общественным приговором религии, унижениями и осмеиванием служителей религии. Религиозные тексты сжигались и смешивались с навозом; камни, на которых были написаны молитвы, использовались для строительства туалетов и мостовых; монахов и монахинь принуждали публично заниматься сексом и требовали, чтобы они показывали чудеса. Руины монастырей и храмов были превращены в свинарни; голодавшим в тюрьмах монахам и монахиням предлагали получить «пищу у Будды».

Разрушения, сделанные до культурной революции

Вопреки китайским официальным заявлениям, большинство разрушений в Тибете было осуществлено в период между 1955 и 1961 годами, а не только во времена «культурной революции» (1966—1976 гг.). Это было подтверждено Бхучунгом, бывшим тогда вице-президентом так называемого народного правительства «ТАРа», на пресс-конференции 17 июля 1987 года, когда он сказал, что все то небольшое, оставшееся неразрушенным, было уничтожено в ходе «культурной революции» под лозунгом «уничтожь четыре старых».

К 1976 году из 6259 мужских и женских монастырей осталось только семь. Среди разрушенных оказались: первый тибетский монастырь, построенный в седьмом веке,—Самье; Гаден — первый и самый авторитетный монастырь школы Гелуг; Сакья — главная резиденция Сакьев; Цурп-ху — самый авторитетный монастырь школы Кагью; Миндроллинг—самый известный монастырь традиции Ньинг-ма; Менри — первый и самый священный монастырь бон и т. д. Из 592558 монахов, монахинь, ринпоче (перерожденцев)

и нгагпов (практиков тантры) около 110 тысяч были замучены и убиты и около 250 тысяч были изгнаны.

О масштабах уничтожения религии в Тибете говорил на первом собрании Китайского института тибетологии в 1988 году в Пекине покойный Панчен-лама.

«В областях, населенных тибетцами, все монастыри были подвержены разрушению. 99% этих монастырей разрушены полностью. Оставшиеся семь или восемь монастырей также не избежали частичного разрушения. Лучшее всего сохранился дворец Потала. Но и он понес урон. Поэтому я говорю, что разрушение монастырей было полным».

1979—1992 гг.: разрешенная обрядность вместо религиозной свободы

С 1979 года в Тибете начала осуществляться широко разрекламированная программа «либерализации», в рамках которой допускалась большая религиозная свобода за счет оживления культовой стороны религии. Были разрешены выборочное восстановление культовых мест, а также некоторые элементы ритуалов: простираания, обход святых мест, подношения масляных ламп, рецитация мантр, вращение молитвенных барабанов, сжигание благовоний, развешивание молитвенных флажков и т. д. Но пропаганда учений Будды или была запрещена, или осуществлялась под жестким контролем.

Буддийское учение преследует цель интеллектуального и духовного развития человека, которое достигается посредством интенсивного обучения под руководством знающих лам, размышлением о том, что говорится в учении, и собственно религиозной практикой. Китайцы не допускали этого в своей кампании по дискредитации тибетской религии, представляемой ими слепой верой, а не тем, чем она является на самом деле—действенной и научной философией. В своем заявлении 10 марта 1987 года Далай-лама сказал:

«Так называемая религиозная свобода в Тибете в настоящее время сведена к возможности верующих выполнять различные ритуальные действия. Но при этом существуют явные и неявные ограничения на преподавание и изучение буддизма. Таким образом, буддизм и сведен к слепой вере, что, собственно, под ним и понимают китайские коммунисты».

Сегодня китайская политика нацелена на то, чтобы добиться постепенной и «естественной» смерти тибетской культуры и религии, превратив тибетцев в дикую и суеверную нацию, легко поддающуюся политическим манипуляциям. Таким способом они надеются достичь «либерализации» Тибета и провозгласить его «свободным».

Реконструкция и восстановление

Почти все финансировавшиеся китайским правительством реконструкции тибетских архитектурных памятников осуществлялись на основе тщательного выбора. Единственное, что за этим стояло,—это политические и экономические цели. Восстановленные архитектурные комплексы были прежде всего музеями, привлекавшими много туристов, а не религиозными и культурными центрами тибетского народа. К тому же, в противоположность утверждениям китайской стороны, большинство восстановленных и реконструированных монастырей, включая и те, которые восстанавливались «за счет государства», на самом деле были возрождены благодаря добровольному труду и денежным вкладам тибетцев. Помощь же китайского правительства составляет только небольшую часть всех расходов. С другой стороны, китайцы конфискуют доход монастырей, складывающийся из входной платы (введенной китайцами) и приношений паломников. Реконструкция и восстановление монастырей может осуществляться только с разрешения Бюро по делам религии, которые даются с большой неохотой, после длительной бюрократической волокиты, в ходе которой тибетцы вынуждены обращаться с просьбой по нескольку раз и выслушивать в ответ целые лекции о негативном влиянии религии на «национальные интересы». Ограниченное количество монахов или служат элементами украшения интерьера, или, как это и есть в большинстве случаев, выполняют обязанности смотрителей, но они не учат и не практикуют Дхарму.

В независимом Тибете большинство монастырских университетов служили учебными и культурными центрами для большого количества учащихся из Азии. В университетах

обучалось от трех до десяти тысяч учащихся с насыщенной программой, которую изучали приблизительно с 18-летнего возраста, завершая обучение в 45 лет. Основными структурными единицами монастырских университетов были факультеты. В каждом университете было, по крайней мере, два факультета. Каждый факультет имел собственную администрацию, штат преподавателей и библиотеку.

Государственный контроль над религиозными учреждениями

Сегодня китайцы не разрешают создавать факультеты, бывшие раньше основными структурными единицами монастырских университетов. Установлен также предел числу монахов, которым разрешено жить в монастырях. До вторжения Китая в Тибет в монастыре Сера было 7997 монахов, сейчас разрешено проживать только 300 монахам. В Дрепунге обычно было десять тысяч монахов, сейчас — только 400; в Гадене число монахов уменьшилось от 5600 до 150. К тому же вся жизнь монастырей регламентируется большим количеством бюрократических организаций:

Отделом объединенного рабочего фронта, Бюро по делам религии, Тибетской буддийской ассоциацией, Комитетом демократического управления, Рабочими инспекциями по политическому образованию и политическим исследованиям, службами безопасности и т. д.

В частности, был установлен следующий критерий приема в монастырь: кандидату не должно быть менее 16 лет, он должен быть патриотом и «любить» коммунистическую партию, иметь разрешение родителей и всех уровней властей провинции, одобрение Комитета демократического управления монастырями, разрешение Бюро общественной безопасности, его родители должны быть «политически благонадежными», он должен быть жителем определенной области (то есть тибетцы из Кхама и Амдо не могли быть приняты в монастыри Центрального Тибета), должен изучать марксизм, должен понимать, что материализм и спиритуализм вещи противоположные и т. д. и т. д.

Принимать только «политически подкованных»

Директивное основание отбора кандидатов в монастыри формулировалось следующим образом: «Мы должны воспитывать горячих патриотов среди последователей всех религий: таких, которые признают руководящую роль партии и правительства, твердо поддерживают строительство социализма, заботятся о национальном и этническом единстве. Семинарии должны проводить вступительные экзамены и принимать правильно, патриотически настроенных молодых людей, которые достигли определенного уровня культурного развития». Этот и другие принципы ясно сформулированы в «Основных положениях политики в отношении религии в период строительства социализма», в «Правилах демократического управления храмами» и т. д. Был также учрежден еще один орган — «Комитет управления тибетским буддизмом» — «для наблюдения за практикой буддизма в Тибете («ТАРе»), провинциях Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань (состоящей из тибетских областей Амдо и Кхам, включенных в число китайских провинций)». Его важнейшими задачами стали — «проведение политики правительства в жизнь, воспитание монахов и монахинь в патриотическом духе и наблюдение за управлением монастырями».

Кроме того, существуют еще другие, тонкие и скрытые методы разрушения религии, которые не так легко увидеть не владеющим информацией. К ним относятся: постоянные антирелигиозные публикации и театральные представления, ограничения в проповедовании религии, воспитание тибетской молодежи в марксистском духе с акцентом на атеизм, отсутствие разработанных программ монастырских университетов, отсутствие книг и наставников, принуждение монахов совершать ритуалы для туристов, размещение полиции и армейских офицеров в монастырях, аресты и пытки тех, кто заподозрится в диссидентстве, насаждение в монастырях информаторов, проведение политических занятий и расследований группами Рабочей инспекции в монастырях, запрет на молитвы, составленные Далай-ламой, даже если они лишены политического

содержания, и т. д. Имея в виду такие ограничения, 28 сентября 1988 года Панчен-лама призвал «прекратить китайское административное вмешательство в дела религии в Тибете и других населенных тибетцами районах и усилить активность самих тибетцев в делах их религии».

Заключение

Хотя Китай больше не бомбит и не посылает Красную гвардию разрушать тибетские монастыри, его целью остается, как и прежде, полное уничтожение тибетской культуры и религии. Это ясно из документа, посвященного практике «религиозной свободы», составленного Ганьцзыйским окружным комитетом по пропаганде и датированного февралем 1990 года, в котором говорится: «С развитием нашей социалистической системы сложились такие общественные условия, которые, естественно, полностью исключают религию». В другом официальном документе, касающемся национального вопроса и вопроса о религии, утверждалось: «Мы должны противостоять всем тем, кто стремится поколебать единство нашей родины, используя национальную идею и религию. Не должно быть никаких колебаний в пресечении любого политического беспорядка, устраиваемого под прикрытием национальной или религиозной идеи. В таких обстоятельствах необходимо использовать любые силы: правовые, политические и даже военные».

В своем непрекращающемся преследовании тибетской религии Китай продолжает нарушать не только Всеобщую декларацию прав человека ООН, но и все статьи Декларации ООН по искоренению всех форм нетерпимости и дискриминации, связанной с религией и верованиями. В своем докладе Комитет по соблюдению законности Международной комиссии юристов отметил;

«Комитет пришел к выводу, что в Тибете осуществлялась политика геноцида с целью уничтожения тибетцев как религиозной группы. Такие действия есть акты геноцида, независимо от какого-либо обязательства».

Перемещение населения и контроль над демографическими процессами

Введение

Перемещение граждан оккупирующей страны на оккупированную территорию есть нарушение международного права в соответствии с Четвертой Женевской конвенцией 1949 года. Однако такова обычная практика оккупационных сил, колониальных администраций и тоталитарных вождей, которая осуществлялась и осуществляется с целью преодоления сопротивления иноземной власти и закрепления контроля над захваченной территорией. Гитлер в свое время планировал крупномасштабные перемещения населения, а Сталин осуществил многие из таких планов, которые привели к трагическому результату сегодняшнего положения в бывшем СССР.

Сегодня Китай осуществляет ту же самую политику в Тибете. Эта политика, начатая в 1949 году сразу после начала вторжения Китая в Тибет, представляет сейчас огромную опасность для тибетского народа и его страны.

Сейчас в Тибете живут миллионы китайских поселенцев. Кроме того, китайским правительством осуществляется принудительный контроль над рождаемостью с целью сдерживания роста тибетского населения.

Целью такой двойкой демографической политики является стремление превратить тибетцев в незначительное меньшинство в их собственной стране и сделать любую попытку сопротивления китайскому режиму бесплодной. Именно по этой причине многие аналитики назвали эту политику «окончательным решением» Китая.

Перемещение населения как официальная политика

В китайской «Белой книге» говорится:

«Другой ложью является утверждение, что очень большое количество ханьцев эмигрировало в Тибет, превратив тибетцев в этническое меньшинство».

Но большое количество свидетельств подтверждает, что это как раз и есть правда. Первое публичное признание факта переселения китайского населения в Тибет состоялось в 1952 году в «Директивах ЦК КПК по политической работе в Тибете», исходивших от самого Мао Цзэ-дуна. Предлагаая увеличить население Тибета в пять раз, он подчеркивал следующее:

«Тибет занимает большое пространство при маленькой плотности населения. Его население должно быть увеличено с двух или трех миллионов человек до пяти или шести, а далее—до десяти миллионов». [*Renmin Ribao*, 1952. November 22]

В обращении к Комитету по соблюдению законности Международной комиссии юристов 29 августа 1959 года Далай-лама сказал:

«В 1955 году, перед возвращением в Лхасу, мы встретились с Лю Шао-ци. Он намекнул Панчен-ламе, что Тибет является большой и незаселенной страной, а в Китае огромное население, которое могло бы переселиться в Тибет».

После китайского захвата Тибета премьер Чжоу Энь-лай заявил:

«Китайцев огромное количество, и они достаточно развиты в экономическом и культурном отношении, но в тех регионах, которые они населяют, осталось немного пахотной земли и естественных ресурсов по сравнению с тем, чем владеют братские народы».

В феврале 1985 года китайский посол в Нью-Дели известил о намерении своего правительства «изменить экологическую и демографическую ситуацию» не только в Тибете, но также и в других «отдаленных и малонаселенных регионах»: «Миграция китайцев должна приветствоваться местным населением, ее результатом станет увеличение населения этих регионов на 60 миллионов человек в течение тридцати лет». И далее: «Это только по самым скромным оценкам. Реально же оно может увеличиться до 100 млн. человек за тот же период» [*Movement Westward I Reference Material No. 2 Embassy of the PRC, New Delhi. 1985. February 4*].

Два года спустя, в июне 1987 года, Дэн Сяо-пин признал, что правительство поощряло переселение в Тибет, потому что местному населению «нужны были ханьские иммигранты, поскольку население (автономного) региона было недостаточным, чтобы осваивать его ресурсы» [Deng Xiaoping, during his meeting with ex-US President Jimmy Carter, 1987. June 29 / Reported by Reuters, Beijing, 1987. June 30].

Китайское население в «ТАРе»

С 1983 года количество переселенцев из Китая в Центральный Тибет значительно возросло. В мае 1984 года Радио Пекина сообщило: «В ТАР начали прибывать авангардные группы строительных рабочих общим числом около 60 тысяч человек. Они уже начали вести подготовительные работы и будут оказывать помощь в строительстве энергетических объектов, школ, больниц, культурных учреждений, заводов и фабрик» [*Radio Beijing*, 1700 hrs, 1984. May 14].

Другая партия «рабочих» в таком же количестве прибыла в «ТАР» летом 1985 года из Сычуаня [*China's Population. Beijing, 1988*]. В 1991 году Китай заявил, что «специалисты со всего Китая прибыли, чтобы работать на строительных объектах (в Тибете.—*Пер.*), и что еще около 300 тысяч рабочих готово присоединиться к ним» [*Beijing Review. 1991. January 21—27*].

Согласно утверждению Мао Жу-бая, бывшего в 1988 году заместителем председателя правительства «ТАРа», процитированному «Тайме оф Индия» 27 сентября 1988 года, тогда в регионе находился один миллион китайских поселенцев (исключая военный персонал).

Только в Лхасе в 1985 году проживали от 50 до 60 тысяч обычных китайцев. В период с 1985 по 1988 год население Лхасы увеличилось вдвое за счет нового притока иммигрантов. Этот рост населения повлек за собой ряд проблем, с которыми столкнулись тибетцы. Это было признано и правительством «ТАРа». В марте 1989 года Нгапо Нгаванг Джигме, заместитель председателя Всекитайского собрания народных представителей, отметил, что «сегодня из-за большого количества китайских поселенцев, прибывших в Тибет (только в Лхасе проживает 100 тысяч человек), правопорядок был сильно нарушен».

Китайское население в Кхаме и Амдо

К областям, населенным тибетцами за пределами «ТАРа», относятся: вся провинция Цинхай, а также части Кхама и Амдо, присоединенные к провинциям Сычуань, Ганьсу и Юньнань. Именно в этих тибетских районах самая высокая концентрация китайского населения.

В этих районах китайские поселения образовывались вслед за прохождением войск НОАК в 1949 году. К 1959 году, когда китайцы создали свое правительство в тибетской столице, китайское население в восточной половине Тибета достигло критического числа. Начиная с 1962 года поток переселенцев увеличился: тысячи и тысячи прибывали в эти районы как «строители, рабочие и специалисты». Но поскольку в них не было никакой нужды, тибетцы рассматривали это как подрыв своей экономики и в такой политике видели замаскированную попытку китаизации своей страны. Покойный Панчен-лама говорил:

«Затраты на содержание одного китайца в Тибете в четыре раза больше, чем в Китае. Почему тибетцы должны тратить свои деньги и кормить их?.. Страна сильно страдает от политики заселения ее большим количеством ненужных ей людей. Китайское население, составлявшее (з начале оккупации. — *Пер.*) несколько тысяч, увеличилось на сегодняшний день во много раз».

Согласно четвертой переписи населения, проведенной Китаем в 1900 году, китайцы (включая небольшое количество монголов) составили в этих районах, не входящих в «ТАР», 4927369 человек. Причем говорят, что на двух попавших в списки китайцев приходится один непопавший. Тогда получается, что действительное число китайцев в Кхаме и Амдо, в которое входят зарегистрированные и не зарегистрированные по переписи переселенцы, составляет около 7,4 миллиона человек, и сюда не входит китайская часть населения собственно «ТАРа».

Стимулирование переселения

Чтобы стимулировать переселение китайцев в Тибет, китайское правительство предоставляет военным и гражданским лицам ряд льгот. Приведенная ниже цитата является типичным объяснением того, почему условия и услуги для китайского персонала значительно лучше тех, которые доступны тибетцам:

«Нельзя рассчитывать на то, чтобы персонал, посланный из развитых областей (Китая), был бы доволен такой пищей, как цампа (жареная ячменная мука) или полусырое мясо. Ему нужно предоставить хорошее жилье, больницы, кинотеатры и школы для детей». [*The Poverty of Plenty I Wang and Bai, London, P. 148*]

Жилье, медицинское обслуживание, культурные и учебные заведения — это только часть того многого, что предоставляется китайцам в Тибете. К этому следует добавить требующую больших дотаций выплату большого содержания и доставку в Тибет автомобильным транспортом пшеницы и риса.

Зарплата китайского персонала в Тибете на 87% выше, чем в Китае. Длительность пребывания в Тибете поощряется дополнительными благами. Отпуск китайского персонала в Тибете значительно длиннее, чем в Китае. После каждых 18 месяцев работы в Тибете китаец получает трехмесячный отпуск на родину, причем все расходы на поездку берет на себя государство. Китайским предпринимателям в Тибете предоставляются налоговые льготы и кредиты под небольшие проценты, в то время как для тибетцев заниматься предпринимательством очень трудно: трудно даже получить лицензию на это.

Поощрение переселения в «ТАР» в последние годы

В 1992 году Китай объявил экономику Тибета открытой для «иностранных инвестиций». На деле эта экономическая политика открытых дверей означала только дальнейшее увеличение иммигрантов из Китая в Тибет. Китайское правительство уже убеждает лишнюю часть огромного населения страны обосноваться в «ТАРе».

Сейчас во многих областях «ТАРа», таких как Дромо (Ятун), Эмаганг, Пхенпо, Цетханг, Тойлунг, Ньемо, Конг-по Ньингтри и Малдро Гьяма, наблюдается лихорадочная активность, связанная со строительством новых китайских городов и деревень. Предполагается, что большая часть китайцев, привлеченная проектом «трехгорловой» электростанции, будет размещена в этих областях. И недавнее удаление всех пропускных постов между Тибетом и Китаем, кажется, подтверждает это предположение.

Контроль над рождаемостью: аборты и стерилизация

С 1984 года китайская администрация разрешает тибетским семьям иметь только двух детей. Правда, было объявлено, что только 12% населения «ТАРа» подпадает под такое требование, потому что предполагалось, что в сельскохозяйственных и скотоводческих областях население будет освобождено от таких ограничений. Но на самом деле за рождение третьего ребенка были установлены штрафы от полутора до трех тысяч юаней, что соответствует \$400— 800. На «лишнего» ребенка не выдавались продовольственные карточки, а с работающих удерживалось 50% месячной зарплаты или вообще не выплачивали ее три-шесть месяцев.

Такие и другие насильственные меры осуществлялись с помощью различных ухищрений. 5 ноября 1987 года на совещании в Департаменте «ТАР» по планированию семьи его глава Церинг Долкар сказала:

«Сегодня в автономном районе живет 104024 женщины, способных рожать детей. Из них 76 220 — замужем. Из них 22 634 женщинам, или 30% всех способных рожать, были сделаны аборт. В 1985 году после объявления в сельскохозяйственных и скотоводческих районах политики планирования семей значительно изменилось отношение населения к этому, а также изменились темпы рождаемости в этих районах. В 1986 году 19% женщин Ньингтри, Лхокхи и Шигацзе было стерилизовано».

По данным Департамента по управлению гражданскими делами г. Шигацзе, в 1990 году медицинская бригада из родильного дома этого города посетила отдаленный и бедный Бхучунгский район. Оказалось, что в этом маленьком районе было стерилизовано 387 женщин. Эта бригада проехала по десяти районам, пропагандируя планирование семьи. Результатом этого стала стерилизация 1092 женщин из общего числа 2419. Врач родильного дома из района Гьяцо (область Лхокха) Церинг Йойдон свидетельствовала о том, что из четырех тысяч женщин, способных рожать, тысяче были сделаны аборты, а 700 были стерилизованы.

В Кхаме и Амдо применялись еще более жесткие меры. Например, в Тибетском автономном районе Ганьсу-Париг в 1983 году было стерилизовано 2415 женщин, из которых 82% были тибетки. В 1987 году в районе Зачху в Тибетском автономном округе Канье 764 женщины были стерилизованы, среди которых было 660 тибеток. Мобильные бригады по контролю за рождаемостью разъезжали по сельским районам, где делали женщинам аборты и стерилизацию. Если даже женщины были уже беременными длительный срок, их принуждали делать аборты, а затем — стерилизацию.

Как правило, степень принудительности мер по контролю над рождаемостью в разных районах Тибета была разной. Это зависело от места и времени и от рвения местных чиновников, которым была предоставлена полная свобода действий в этом деле.

По этому поводу в «Белой книге» говорится:

«Только 12% жителей Тибета были охвачены политикой планирования семьи. Правительство твердо стоит на том, что эта политика должна осуществляться на основе гласности, добровольности и обеспечения всеми условиями, и запрещает любые формы насильственных абортов».

Не требуется серьезных доказательств, чтобы понять, что истинным является противоположное.

Тибетское население

Китайцы часто смеются над заявлением тибетцев, что их население равно 6 миллионам человек. «Откуда взяться шести миллионам? Что они, с неба упали?»—иронически говорит Ян Хуй-ди, директор Департамента политики и законодательства Государственной комиссии по делам национальностей. Хотя на сегодняшний день не существует отчета об отдельной переписи тибетского населения в Тибете, тибетские исторические источники свидетельствуют, что до китайского вторжения тибетцев насчитывалось, по крайней мере, шесть миллионов человек. Китайцы же утверждают, что общее число тибетцев едва превышает четыре миллиона. Однако знакомство с китайской статистикой подтверждает то, что в 1959 году тибетцев было более чем шесть миллионов человек.

Согласно данным Государственного статистического управления Китая, в ноябре 1959 года в «ТАРе» проживало 1 273 969 человек. В тибетской области Кхам, переименованной в Сикань, было 3381064 тибетцев. В провинции Цинхай и других тибетских областях, включенных в состав провинции Ганьсу, насчитывалось 1675 534 тибетцев. Сумма этих трех цифр составляет 6330567 человек [*People's Daily. Beijing. 1959. November 10*].

В феврале 1988 Хуан Сян, директор Центра международных исследований при Государственном совете, заявил, что из сегодняшнего шестимиллионного населения тибетцев только два миллиона живут в Тибете (т. е. в «ТАРе»), тогда как остальные четыре миллиона—в других «провинциях» Китая [*Beijing Review*. Vol. 31, No. 7 and 8].

Заключение

В результате притока китайского населения тибетцы оказались вытесненными в экономике, политике, образовании и других сферах. В начале 80-х годов по оценке тибетского правительства китайское население в Тибете составило семь с половиной миллионов человек. Сегодня эта цифра может быть значительно увеличена.

В Кхаме и Амдо большая часть плодородных земель была отдана китайским поселенцам, тибетцы же вытеснялись на все более и более бесплодные земли. Почти все ключевые административные позиции в Тибете заняты китайцами. Более того, китайским поселенцам отдается предпочтение перед тибетцами при найме на работу в лесодобывающую промышленность и на разработки полезных ископаемых. Степень подрыва экономической жизни тибетцев китайскими переселенцами может быть оценена на основе следующего примера: из 12827 магазинов и ресторанов в Тибете (включая Баркхор⁵) только 300 принадлежат тибетцам. В Цава Пашо (Южный Кхам) китайцы владеют 133 фирмами, а тибетцы—только 15. В других тибетских городах пропорция владений такого же характера:

748 к 92 — в Чамдо, 229 к 3 — в Пово Трамо. В некоторых городах Амдо ситуация значительно хуже. По свидетельству одного британского журналиста, тибетцы там унижены до положения «туристической диковинки».

Состояние природы Тибета

Введение

Тибет—основной источник великих рек Азии. Тибет— это высокие горы, а также самое обширное и высочайшее плато мира, древние леса и много глубоких долин, не тронутых человеческой деятельностью.

Традиционная экономическая и религиозная ценностная система Тибета привела к развитию практики бережного отношения к окружающей среде. Согласно буддийскому учению о правильном образе жизни, которому следуют тибетцы, важна «умеренность», отказ от чрезмерного потребления и чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, ибо считается, что это причиняет вред живым существам и их экологии. Уже в 1642 году Пятый Далай-лама издал «Указ о защите животных и природы». С тех пор такие указы выходили ежегодно.

С колонизацией Тибета коммунистическим Китаем традиционная тибетская система защиты окружающей среды была уничтожена, что привело к разрушению человеком природы в ужасающих размерах. Особенно это видно по состоянию пастбищ, пашен, лесов, воды и жизни животных.

Пастбища, поля и аграрная политика Китая

70% территории Тибета—это пастбища. Они являются основой аграрной экономики страны, ведущую роль в которой играет животноводство. Общее количество домашнего скота составляет 70 млн. голов на один миллион скотоводов.

В течение веков тибетские кочевники хорошо приспособились к работе на зыбких горных пастбищах. Тибетцы выработали определенную культуру скотоводства: постоянный учет использования пастбищ, ответственность за их экологическую сохранность, систематическое перемещение стад яков, овец, коз.

За последние четыре десятилетия многие пастбища перестали существовать. Передача таких земель в пользование китайским переселенцам привела к значительному опустыниванию земель, превращению их в негодные для сельского хозяйства территории. Особенно большое опустынивание пастбищ произошло в Амдо.

Положение еще более ухудшилось в результате огораживания пастбищ, когда тибетских скотоводов еще более ограничили в пространстве и лишили их возможности кочевать со стадами с места на место, как это они делали раньше. Только в районе Магху области Амдо одна треть всех земель площадью более десяти тысяч квадратных километров была огорожена для табунов лошадей, стад овец и крупного рогатого скота, принадлежавших китайской армии. И в то же время лучшие пастбища в районах Нгапа, Голок и в провинции Цинхай были предоставлены китайцам. Основными пахотными землями тибетцев являются долины рек в Кхаме, долина Цангпо в У-Цанге, долина Мачху в Амдо. Основная зерновая культура, которую выращивают тибетцы, — ячмень, дополнительные — хлебные и бобовые культуры. Традиционная земледельческая культура тибетцев включает: использование органических удобрений, севооборот, смешанную посадку, отдых земель под паром, что необходимо для сохранения земель, являющихся частью чувствительных горных экосистем. Средний урожай зерновых в У-Цанге—две тысячи килограмм с гектара и еще выше—в плодородных долинах Амдо и Кхама. Это превышает урожай в странах со сходными климатическими условиями. Например, в России средний урожай зерновых—1700 кг с гектара, а в Канаде—1800.

Содержание постоянно растущего числа китайских военных, гражданского персонала, поселенцев, а также экспорт сельскохозяйственной продукции привели к расширению посевных земель за счет использования горных склонов и маргинальных почв, к увеличению посевных

⁵ Баркхор — исторический центр Лхасы. (Ред.).

площадей под пшеницу (которую китайцы предпочитают тибетскому ячменю), к применению гибридных семян, пестицидов и химических удобрений. Болезни постоянно поражали новые сорта пшеницы, а в 1979 году весь урожай пшеницы погиб. До того как китайцы стали миллионами переселяться в Тибет, никогда не было необходимости в значительном увеличении сельхозпродукции.

Леса и их вырубка

В 1949 году древние леса Тибета покрывали 221800 км². К 1985 году осталась почти половина этого — 134 тыс. км². Большинство лесов растет по склонам гор, в долинах рек южной, самой низкой, части Тибета. Основные виды леса—это тропические и субтропические хвойные леса с елью, пихтой, сосной, лиственницей, кипарисом; вперемежку с основным лесом встречаются береза и дуб. Деревья растут на высотах до 3800 метров во влажном южном регионе и до 4300 метров — в полусухом северном. Тибетские леса состоят преимущественно из старых деревьев с возрастом более 200 лет. Плотность лесов — 242 м³ на гектар, хотя в У-Цанге плотность старых лесов достигла 2300 м³ на гектар. Это самая высокая плотность для хвойных.

Появление дорог в отдаленных частях Тибета привело к увеличению вырубки лесов. Следует отметить, что дороги строятся или силами НОАК, или с помощью инженерных бригад Министерства лесной промышленности Китая, и стоимость их строительства рассматривается как расходы на «развитие» Тибета. В результате стали доступными древние леса. Основной способ добычи леса — простая валка, которая привела к значительному оголению склонов холмов. Объем лесоразработок до 1985 года составил 2 млн. 442 тыс. м³ или 40% всего объема леса на 1949 год стоимостью 54 миллиарда долларов США.

Лесоразработки — главная сфера занятости сегодня населения в Тибете: только в области Конгло «ТАРА» более 20 тысяч китайских солдат и заключенных были заняты на валке и транспортировке леса. В 1949 году в районе Нгапа в Амдо лесом было занято 2,2 млн. гектаров земли. А лесные ресурсы составляли 340 млн. м³. В 1980 году площадь лесов уменьшилась до 1,17

млн. км² с объемом ресурсов 180 млн. м³ [*Ngapa Tibetan Autonomous Prefecture I Sichuan Publishing House, 1985. P. 149—154*]. В то же время до 1985 года Китай добыл в Тибетском автономном округе Канлхо 6,44 млн. м³ леса. Если эти лесоматериалы, диаметром 30 см и длиной три метра выложить в одну линию, то можно дважды обогнуть земной шар [*Kanlho Tibetan Autonomous Prefecture I Gansu People's Publishing House. 1987. P. 145*].

Дальнейшее опустошение и уничтожение экологии Тибетского плато, уникальнейшего места на земле, продолжается.

Естественное и искусственное восстановление леса имеет малые масштабы в силу особенностей рельефа региона, земли и влажности, а также высоких температурных перепадов в течение суток и высоких температур на поверхности почвы. В таких экологических условиях деструктивные последствия сплошных вырубок леса непоправимы.

Водные ресурсы и энергия рек

Тибет — основной водораздел Азии и источник ее главных рек. Основная часть рек Тибета обладает стабильностью. Как правило, они вытекают из подземных источников или собираются с ледников. Реки в большинстве соседних стран зависят от количества осадков в разные времена года.

90% длины рек, рождающихся в Тибете, используется за его пределами, и меньше чем 1 % общей длины рек может быть использован в Тибете. Сегодня реки Тибета имеют самые высокие осадочные нормы. Мачху (Хуанхе, или Желтая река), Цангпо (Брахмапутра), Дригху (Янцзы) и Сенге Кхабаб (Инд)—пять самых илстых рек в мире. Общая площадь, орошаемая этими реками, если взять территорию от бассейна Мачху на востоке до бассейна Сенге Кхабаб—на западе, приходится на 47% населения Земли. В Тибете насчитывается две тысячи озер. Некоторые из них считаются священными или занимают особое место в жизни народа. Их общая площадь 35 тысяч км².

Крутые склоны и мощные потоки тибетских рек обладают потенциальной эксплуатационной энергией 250 тысяч мегаватт. Только реки «ТАРА» обладают 200 тысячами мегаватт потенциальной энергии.

Тибет занимает второе место в мире по потенциальной солнечной энергии после пустыни Сахары. Среднегодовая цифра равна 200 килокалориям на сантиметр поверхности. Значительными являются и геотермальные ресурсы тибетской земли. Несмотря на наличие такого значительного потенциала небольших экологически чистых источников, китайцы построили огромные дамбы, такие как Лонгъ-янг Си, и продолжают их строить, например, гидроэлектростанцию в Ямдрокке Юцо.

Многие из этих проектов презначены, чтобы использовать гидропотенциал тибетских рек для обеспечения энергией и другими благами промышленность и китайское население в Тибете и в самом Китае. Но экологическая, культурная и людская дань на эти проекты будет взята с тибетцев. В то время как тибетцы изгоняются со своих земель и из своих домов, десятки тысяч китайских рабочих приезжают из Китая, чтобы строить и эксплуатировать эти электростанции. Эти дамбы не нужны тибетцам, они не просили их строить. Возьмем, к примеру, строительство гидроэлектростанции в Ямдрокке Юцо. Китайцы заявили, что это строительство принесет тибетцам большие блага. Тибетцы и их лидеры—покойный Панчен-лама и Нгапо Нгаванг Джигме противились и задержали строительство на несколько лет. Однако китайцы все же начали строительство, и сегодня 1500 солдат НОАК охраняют строительство и не позволяют гражданским лицам находиться близ него.

Полезные ископаемые и горная промышленность

Согласно официальным китайским источникам, Тибет обладает залежами 126 минералов, обладая значительной частью мировых запасов лития, хрома, меди, буры и железа. Нефтяные месторождения в Амдо дают более одного миллиона тонн сырой нефти в год.

Сеть дорог и коммуникаций, построенная китайцами в Тибете, отражает структуру запасов леса и минералов, которые неразборчиво добываются по велению китайского правительства. В связи с тем, что семь из пятнадцати основных минералов, которыми владеет сам Китай, должны в

течение этого десятилетия быть выработаны, а основные, не содержащие железа, запасы ископаемого сырья фактически уже истощены, темпы добычи минералов в Тибете значительно увеличиваются. Предполагается, что к концу этого столетия Китай планирует осуществлять свои основные горнодобывающие работы в Тибете. В местах добычи минералов ничего не делается для защиты окружающей среды. Особенно там, где почва неустойчива, отсутствие экологических защитных мер оборачивается дестабилизацией ландшафта, разрушением плодородного слоя, опасностью для здоровья и жизни людей.

Животный мир

Много животных и птиц исчезло из-за разрушения условий их обитания, а также из-за спортивного азарта охотников и по причине оживления незаконной торговли дикими зверями и птицами. Существует много свидетельств о том, что китайские солдаты используют автоматы, расстреливая стада диких яков и ослов из спортивного азарта.

Неограниченное уничтожение диких животных продолжается и сегодня. Объявления об охотничьих «турах» за редкими животными, организуемыми для богатых иностранцев, регулярно публикуются в китайских средствах массовой информации. Например, предлагаются «охотничьи туры» для богатых спортсменов из США и Европы. Эти «охотники» могут убить таких редких животных, как тибетская антилопа (*Pantholops hodgsoni*), аргалийская овца (*Ovis ammon hodgsoni*), — виды, которые очевидно должны находиться под защитой государства. Охота на тибетскую антилопу стоит 35 тысяч долларов США, на аргалийскую овцу — 23 тысячи, на белогубую лань (*Cervus albirostris*) — 13 тысяч, на голубого барана (*Pseudois nayaur* — 7900, на красную лань (*Cervus elaphus*) — 3500. Такой «туризм» приведет к безвозвратной утрате множества видов животных Тибета, до того как они будут обнаружены и изучены. К тому же, это представляет очевидную угрозу сохранению видов животных, имеющих большое значение для культуры Тибета и огромную ценность для цивилизации.

В «Белой книге» признается, что большое количество животных на «границе исчезновения». В то же время «Красный список редких видов животных» 1990 года Международного союза за сохранения природы содержит тридцать видов животных, обитающих в Тибете.

Меры по сохранению фауны Тибета, исключая области, вошедшие в состав китайских провинций, были приняты спустя много времени после того, как подобные меры были введены в самом Китае. Говорилось, что области, попавшие под защиту государства на 1991 год, в общем занимают 310 тыс. км², что составляет 12% территории Тибета. Эффективность защиты не может быть определена ввиду строго ограниченного доступа в эти районы, а также секретности в отношении действительных данных.

Ядерные и токсичные отходы

По признанию Китайского правительства, в Тибете установлено примерно 90 ядерных боеголовок. А по сообщению «Девятой Академии» — Китайской северо-западной Академии разработки и создания ядерного вооружения, находящейся в северо-восточной части Тибета — Амдо, Тибетское плато загрязнено неизвестным количеством радиоактивных отходов.

Согласно докладу, подготовленному «Международным движением в защиту Тибета», организацией, находящейся в Вашингтоне:

«Размещение отходов производилось крайне опасными методами. Первоначально они захоранивались в немаркированных складках местности... Природа и количество радиоактивных отходов, полученных в Девятой Академии, до сих пор не известны... В 60-е и 70-е годы атомные отходы технологических процессов захоранивались небрежно и бессистемно. Отходы, получаемые в Академии, имеют различный вид: жидких, твердых и газообразных веществ. Жидкие и твердые отходы должны находиться в близлежащих землях и водах». [Nuclear Tibet. Washington: DC, 1993. P. 18]

Официальные заявления Китая подтвердили наличие в Тибете самых больших запасов урана в мире. Есть данные, что уран обрабатывается в Тибете и что в Нгапе, в Амдо, наблюдались случаи смерти среди местных жителей в результате употребления радиоактивной воды, находящейся близ уранового рудника.

Местные жители также рассказывали о рождении уродливых детей и животных. Поскольку расход подземных вод в Амдо обусловлен ныне скоростью естественного истечения, а пригодной для употребления воды очень мало (по оценкам одного доклада, запас подземных вод составляет от 340 млн. до четырех миллиардов кубических футов.— Не Vochuan. P. 39), радиоактивное загрязнение этой воды вызывает серьезную озабоченность. С 1976 года уран также добывался и обрабатывался в районах Тхево и Дзорге, что в Кхаме.

В 1991 году «Гринпис» раскрыл планы по перевозке токсичных городских отходов из США в Китай, чтобы использовать их как «удобрения» в Тибете. Использование таких токсичных отходов, как удобрение, в самих США привело к вспышкам заболеваний.

Заключение

Сложные экологические проблемы Тибета не могут быть сведены к внешним изменениям, таким как превращение клочков земли в национальные заповедники или издание законов для граждан, в то время как действительным экологическим преступником является само правительство. Необходима политическая воля китайского руководства, чтобы вернуть тибетцам право самим использовать природу так, как это они делали раньше, опираясь на свои традиционные и консервативные обычаи.

Согласно предложению Далай-ламы, весь Тибет должен быть превращен в зону мира, в которой человек и природа смогут гармонично сосуществовать. Как сказал Далай-лама, такой Тибет должен стать полностью демилитаризованной страной, имеющей демократическую форму управления и такую экономическую систему, которая обеспечила бы длительное использование природных ресурсов страны с целью поддержания хорошего уровня жизни народа.

В конечном счете это представляет и долгосрочный интерес для соседних с Тибетом стран, таких как Индия, Китай, Бангладеш и Пакистан, поскольку экология Тибета будет оказывать большое влияние и на их природу. Почти половина населения Земли, особенно население этих стран, зависит от состояния рек, берущих начало в Тибете. Некоторые из крупных наводнений, произошедших в этих странах в последнее десятилетие, связаны с наносами ила тибетскими реками из-за вырубки лесов. Деструктивный потенциал этих рек увеличивается каждый год, поскольку Китай продолжает вырубку леса и добычу урана на Крыше Мира.

Китай признает наличие «загрязнений в некоторых частях рек». Поскольку речные потоки не признают политических границ, то у соседей Тибета есть резонное основание узнать, какие их реки загрязнены, насколько сильно и чем. Если сегодня не предпринять решительных действий и не остановить угрозу, то реки Тибета, дававшие радость и жизнь, однажды принесут горе и смерть.

Милитаризация и мир в регионе

Введение

Первый авангард НОАК вторгся в Тибет в 1949 году. Весной 1950 года 18-я армия Китая вошла в Тибет через Дарцедо (кит.—Дацзяньлу) на востоке и через Амдо— на северо-востоке. 14-я дивизия вошла через Дечен на юго-востоке Тибета. После оккупации Кхама и Амдо передовые части 18-й армии вошли 9 сентября 1951 года в Лхасу, а 26 октября подошли главные силы. Это было только начало обширной программы милитаризации Тибета.

Военное строительство на Тибетском плато

До 1986 года на территории китайского коммунистического государства было 11 военных округов. Тибет находился под контролем трех округов. В 1986 году, когда количество округов было уменьшено до семи, Тибет стал контролироваться двумя округами: Юго-восточным военным округом со штаб-квартирой в Чхенгду и Ланчжоуским военным округом со штаб-квартирой в Ланчжоу.

Под первый военный округ подпали: собственно «ТАР», Тибетский автономный округ Канзе, Тибетский автономный округ Нгапа, Тибетский автономный округ Дечен и Тибетский автономный район Мили. Под второй округ подпали: провинция Цинхай, Тибетский автономный округ Канлхо, Тибетский автономный район Тяньчжу.

По скромным подсчетам, сегодня военное присутствие Китая в Тибете количественно оценивается в 500 тыс. офицеров и солдат. Китайские официальные лица утверждают, что в «ТАРе» размещено 40394 военных НОАК. Это неверно. По нашим данным, мощность вооруженных сил в этом регионе равна 250 тыс. человек. Причем сюда не входит местная милиция, организованная в 1963 году.

В «ТАРе» шесть военных под округов, которые включают две самостоятельные пехотные дивизии, шесть пограничных полков, пять самостоятельных пограничных батальонов, три артиллерийских полка, три строительных полка, главный пост связи, два полка связи, три транспортных полка, три самостоятельных транспортных батальона, четыре авиабазы, два полка ПВО, две дивизии и один полк вспомогательных войск (которые называются Дифан Юн, или «местная армия»), один самостоятельный дивизион и шесть самостоятельных полков народной военной полиции, 12 дивизионов «второй (или ракетной) артиллерии». Из многих построенных авиабаз в настоящее время активно действуют только четыре. Народная военная полиция — это недавно перепрофилированные регулярные части НОАК.

Пограничная линия концентрации войск НОАК проходит по Рутхоку, Гьямуку (кит. — Сычэньхо), Дронгпа, Сага, Дрангсо (Дхингри), Гампала, Дромо, Цона, Лхунце Дзонгу, Заюлу и т. д. Вторая линия обороны проходит через Шигацзе, Лхасу, Накчхунгха, Цетханг, район Нангарце, Гьямдха, Ньингтри, Милинг, Пово Трамо, Тсава Помдха, Чамдо и т. д. К тому же Китай часто перебрасывает Сычуаньский воздушно-десантный дивизион в «ТАР», как это было в связи с тибетскими демонстрациями в 1987 году и позже.

Китай также планирует перевести штабы в район дороги в аэропорт Гонгкар, к северо-западу от Лхасы. Согласно новым сообщениям, Лхасские штабы, протянувшиеся более чем на километр, можно также рассматривать «частью командных штабов северо-западного военного округа Чхенгду, переводимых в Лхасу». Новый строящийся комплекс включает около 40 трехэтажных зданий с 40 служебными помещениями каждое, способных вместить 15 тыс. человек.

Крупнейшие военные базы в Амдо находятся в Силлинге, Чхабгхе и Карму. Во всех трех этих местах есть также и авиабазы. Некогда совершенно пустынная земля Карму (кит.—Голмуд) превратилась сегодня в главную военную базу, позволяющую стратегически контролировать Тибет и Восточный Туркестан. Этот район обеспечен автомобильными и железными дорогами, а также воздушными линиями.

В Кхаме китайское военное строительство сосредоточено в Литханге, Канзе, Таву, Дарцедо и т. д., а в Нгапе— в Баркхаме. Кроме того, по территории Кхама разбросаны посты ПВО и секретные взлетно-посадочные площадки.

Ядерные базы

О существовании в Тибете ядерных баз и центров по производству ядерного оружия сообщается время от времени. Полагают, что Китай имеет свои центры по производству ядерного оружия в Дхашу (кит.—Хайянь), которые расположены в Тибетском автономном округе Хайбэй и в Тонгкхоре (кит. — Хуаньюань) в Амдо.

Первое китайское предприятие по разработке и созданию ядерного оружия в Дхашу было организовано в начале 60-х годов. Согласно докладу «*Nuclear Tibet*», подготовленному Международным движением в защиту Тибета (Вашингтон, США) и

посвященному размещению ядерного оружия в Тибете и ущербу, нанесенному Тибетскому плато, это предприятие расположено недалеко от озера Кукунор. Оно известно как Северо-западная Академия по разработке и созданию ядерного вооружения, или «Девятая Академия», поскольку оно находится в ведении Девятого отдела. Это предприятие является самой засекреченной организацией во всей ядерной программе Китая и имеет на сегодняшний день сверхсекретную установку по созданию ядерного оружия. Именно здесь были созданы в 70-х годах все атомные бомбы Китая. В этом центре исследуется механизм ядерного взрыва, радиохимическое и другие виды ядерного оружия ограниченного действия. Здесь собираются компоненты ядерного оружия.

Ракетные базы находятся к югу от озера Кукунор в Амдо и в Нагчхукхе (говорят, что основная база находится на северо-западе от Нагчхукха).

Согласно докладу «*Nuclear Tibet*», первое ядерное оружие было доставлено на Тибетское плато в 1971 году и установлено в бассейне реки Цайдам в северном Амдо. На сегодняшний день Китай владеет примерно 300—400 ядерными боеголовками, из числа которых несколько дюжин приходится на Тибет. Когда китайские ядерные ракеты наземного базирования перемещались с помощью автотранспорта на прицепах, тогда трудно было определить их местонахождение и количество в разных районах. В начале 70-х годов к западу от Дхашу (Хайянь) в бассейне Цайдам Китай разместил ядерные ракеты и пусковые площадки для ракет DF-4 (первая китайская межконтинентальная баллистическая ракета). В отчете говорится, что в Большом Цайдаме ракеты размещаются в туннеле по две горизонтально, рядом с пусковой установкой. Топливо и окислитель размещаются в отдельных туннелях, подходящих к пусковой установке. Пусковые площадки в Малом Цайдаме, очевидно, сделаны так же, как и в Большом Цайдаме.

Другая ракетная база в Тибете расположена в Делингхе, в 200 км к юго-востоку от Большого Цайдама. Там также размещены ракеты DF-4S, а также находится штаб ракетных войск Амдо, имеющий в подчинении четыре пусковые площадки. В Амдо также был размещен дивизион с новым ядерным оружием. Там установлены четыре ракеты CSS-4, имеющие дальность полета восемь тысяч миль и способные нанести удар по США, Европе и любому району Азии.

В 1988 году Китай провел в Тибете то, что 16 сентября этого же года «*Цзефанцзюнь-бао*» назвала «учениями по противохимической обороне на большой высоте с целью испытания нового снаряжения». По сообщению ТАСС от 3 июля 1982 года, «Китай проводит ядерные испытания в нескольких районах Тибета, чтобы определить уровень радиации у живущих там людей».

Заключение

Ядерное оружие претит духу тибетской культуры. В будущем свободном Тибете никогда не будет оружия массового уничтожения.

Именно исходя из этой позиции 15 июня 1988 года Далай-лама в своем Страсбургском обращении сказал:

«Уникальная история моей страны, ее глубокое духовное наследие являются идеальными основаниями для того, чтобы она взяла на себя роль хранительницы мира в самом сердце Азии. Ее исторический статус буферного государства, способствующего сохранению стабильности на всем континенте, может быть восстановлен. Мир и безопасность в Азии, как и во всем мире, могут значительно укрепиться. В будущем Тибет не должен быть оккупирован, подавлен силой, обесплодей, шокирован страданиями. Он может стать местом, где человек и природа будут сосуществовать в гармонии, стать моделью решения многих проблем, которые терзают мир».

Поиски решения

С 1959 года по 1979 год тибетское правительство в эмиграции и китайское правительство не имели контактов. Однако все это время Далай-лама не терял надежды найти мирное решение проблемы Тибета посредством сношений и переговоров с китайским правительством, 20 июня 1959 года вскоре после прибытия в Индию, в Массур, Далай-лама сделал заявление в печати, в котором подчеркнул следующее:

«Хотя недавние действия и политика китайских властей в Тибете рождают глубокую горечь и негодование в отношении Правительства Китая, мы, тибетцы — миряне и монахи, — не испытываем чувств вражды и ненависти к китайскому народу... Мы должны также стремиться к созданию благоприятного климата посредством незамедлительного принятия существенных мер по подготовке мирных переговоров».

10 марта 1978 года в связи с политическими изменениями в Китае Далай-лама обратился с заявлением к тибетскому народу:

«Китайцы должны разрешить тибетцам навещать своих родителей и родственников, находящихся в изгнании. Такая же возможность должна быть предоставлена и тибетцам в изгнании. При такой договоренности мы сможем получать информацию о действительном положении дел в Тибете».

В конце 1978 года директор Агентства Синьхуа г-н Ли Цзюй-синь с помощью общего знакомого связался в Гонконге с г-ном Гьяло Тхондупом, одним из старших братьев Далай-ламы. Встреча состоялась в январе 1979 года, в ходе которой г-н Ли передал г-ну Тхондупу приглашение г-на Дэн Сяо-пина приехать в Пекин, чтобы обсудить тибетскую проблему. С разрешения Далай-ламы в последних числах февраля 1979 года г-н Тхондуп посетил Пекин как частное лицо.

Г-н Тхондуп в Пекине встретился с высшими китайскими руководителями. Ему сообщили, что в результате деятельности «банды четырех» Китай испытывал нестабильность, что повлияло на развитие промышленности и сельского хозяйства. Они отметили, что и Тибет страдал по той же причине, и добавили, что восстание 1959 года в Тибете было инспирировано многими факторами, которые не имеют отношения ни к Далай-ламе, ни к тибетскому народу.

В ходе встречи с г-ном Тхондупом г-н Дэн Сяо-пин сказал, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, и пригласил тибетских беженцев всех возрастов посетить Тибет и самим познакомиться с действительным положением дел на их родине. Далее он высказал готовность Китая обсуждать и решать вместе с тибетцами все проблемы, кроме проблемы полной независимости Тибета.

Далай-лама и Его правительство ответили тем, что послали три экспертные делегации в Тибет в 1979 и в 1980 годах. Была также подготовлена и четвертая делегация, состоявшая из 16 представителей различных школ тибетского буддизма и представителей других социальных слоев. Однако 6 августа 1980 года Китай заявил о том, что он не может принять эту делегацию на том основании, что власти не способны оказать делегатам должный прием, так как в Тибете становилось уже холодно и, кроме того, работы по улучшению положения еще не закончились». Таким образом, этот визит не состоялся. После нескольких напоминаний китайскому правительству о приглашении Дэн Сяо-пина четвертой делегации, возглавлявшейся Калоном В. Дж. Кунделингом, было разрешено посетить только северо-восточную часть Тибета в 1985 году. В конце визита делегация сообщила китайскому правительству о том, что, по ее мнению, должно быть изменено, и попросила это сделать. С тех пор ни одной делегации не было разрешено посетить Тибет.

Тем не менее Далай-лама и тибетское правительство продолжали предпринимать искренние попытки развить более близкие отношения и улучшить взаимопонимание с китайским правительством. Далай-лама и тибетское правительство предприняли ряд конкретных мер по укреплению доверия.

21 июля 1980 года было предложено частично снять ограничения для тибетцев, желающих посетить своих родственников в Тибете и за его пределами. Но в этом было отказано. Мотивы желаний тибетцев посетить их родственников за пределами Тибета тщательно изучались, и, как правило, от них требовалось предоставление членов своих семей в заложники. В то же время от тибетцев-беженцев, пожелавших посетить родину, требовалось, чтобы они имели подготовленные китайской стороной проездные документы, в которых их статус определялся понятием «китаец, проживающий за рубежом».

В сентябре 1980 года эмиграционное правительство предложило послать на помощь в Тибет 50 хорошо подготовленных преподавателей тибетского языка. Отвечая на это предложение, Китай не принял его, ссылаясь на то, что молодые тибетские преподаватели, воспитанные и обученные в Индии, в хороших условиях, столкнутся с трудностями, приспособляясь к плохим условиям жизни в Тибете. И вместо этого они предложили, чтобы преподаватели были посланы работать в национальные школы в

самом Китае. На что тибетское правительство в эмиграции ответило, что добровольцы-преподаватели хорошо осведомлены о плохих условиях жизни в Тибете. Не имея больше серьезных оснований для отказа, китайское правительство выдвинуло неприемлемые условия, предлагая, чтобы преподаватели прежде всего приняли китайскую национальность.

Примерно в то же время не было принято тибетское предложение об открытии тибетского представительства в Пекине с целью налаживания более тесных контактов.

14 декабря 1980 года тибетское правительство в эмиграции обратилось к китайским властям с просьбой разрешить одиннадцати тибетским ученым, живущим в Тибете, принять участие в тибетологической конференции. На что был получен полный отказ.

13 марта 1981 года Далай-лама написал письмо Дэн Сяо-пину, в котором, кроме многих других вещей, коснулся следующего:

«Пришло время, чтобы проявить взаимные мудрость, терпение и добрую волю, чтобы с новыми силами обеспечить счастливую жизнь тибетскому народу. Что касается меня, то на мне лежит обязанность, в меру своих сил, служить на благо всех живых существ и, особенно, на благо слабых и обездоленных, не различая при этом людей по национальности. И надеюсь. Вы ответите мне, что Вы думаете об этом».

Но на это письмо ответа не было. Вместо него 28 июля 1981 года Генеральный секретарь Ху Яо-бань передал г-ну Гьяло Тхондупу документ, названный «Пять положений относительно Далай-ламы», содержание которого сводилось к определению личного статуса Далай-ламы.

Но поскольку в действительности дело касалось будущего тибетского народа, то 12 апреля 1982 года Далай-лама послал высокую делегацию из трех человек в Пекин, чтобы в переговорах с китайским руководством получить объяснения действий китайской стороны. Эта делегация выдвинула для рассмотрения китайскими лидерами ряд широких предложений.

В феврале 1983 года Далай-лама выказал пожелание посетить Тибет примерно в 1985 году. Но тем временем, в ходе так называемой «кампании борьбы с загрязнениями», прокатилась новая волна политических репрессий в Тибете, приведшая к аресту и заключению в тюрьму большого количества людей.

В октябре 1984 года другая высокая делегация из трех человек была отправлена в Пекин, чтобы потребовать от китайского правительства прекращения политических репрессий в Тибете, обсудить подготовку возможного визита Далай-ламы и определить перспективы дальнейших переговоров. На все это китайцы ответили отрицательно. Вместо того чтобы сохранить конфиденциальность этих двусторонних дискуссий, китайское правительство решило гласно, через средства массовой информации, выразить свой отказ на предложение тибетцев.

Из того, что было сказано выше, становится ясным, что Далай-лама и его правительство старались начать основательные, прямые двусторонние переговоры с китайским правительством. Когда все попытки оказались безуспешными, Далай-лама, не имея больше выбора, публично представил свою позицию и обратился за поддержкой к другим странам.

21 сентября 1987 года Далай-лама направил заседанию Конгресса США по правам человека свой «Мирный план из пяти пунктов»:

1. Превращение всего Тибета в зону мира.
2. Отказ Китая от политики перемещения населения, угрожающей самому существованию тибетцев как нации.
3. Уважение основных прав человека и демократических свобод для тибетского народа.
4. Восстановление и охрана естественной окружающей среды и отказ Китая от использования Тибета для производства ядерного оружия и в качестве свалки ядерных отходов.
5. Проведение открытых переговоров о будущем статусе Тибета и о связях между тибетским и китайским народами.

17 октября 1987 года китайское руководство, отвергнув этот план, обвинило Далай-ламу в усилении конфронтации между ним и китайским правительством. Несмотря на грубый ответ. Далай-лама еще раз открыто попытался разъяснить тибетскую позицию в подробной в четырнадцатипунктной ноте, переданной китайскому правительству 17 декабря 1987 года.

15 июня 1988 года в Страсбурге на заседании Европарламента Далай-лама внес еще одно, тщательно разработанное предложение, представлявшее собой подробное изложение последнего пункта «Мирного плана из пяти пунктов».

Копия текста Его речи была заранее представлена китайскому правительству через его посла в Нью-Дели. Затем, 22 и 29 августа, представитель Далай-ламы в Нью-Дели встретился с поверенным в делах Китая в Нью-Дели, чтобы устранить некоторые опасения китайского правительства, высказанные в прессе в различных заявлениях. Кроме многого другого, представитель Его Святейшества указал на то, что Страсбургское обращение очень близко заявлению Дэн Сяо-пина, представленному в 1979 году Гьяло Тхондупу, когда было сказано, что могут обсуждаться все вопросы, кроме вопроса о предоставлении независимости. И в Страсбургском обращении Далай-лама подчеркнул скорее возможность взаимосвязи двух сторон, а не отделения одной от другой.

21 сентября 1988 года посол Китая в Нью-Дели сообщил старшему чиновнику Далай-ламы, что его правительство намеревается провести переговоры с представителем Далай-ламы, время и место которых оставляются на выбор последнего.

23 сентября 1988 года Кашаг⁶ следующим образом приветствовал заявление Китая: «Мы надеемся, что этот положительный ответ на наше предложение есть свидетельство того, что китайцы искренне хотят заняться этой проблемой в ближайшее время».

25 октября 1988 года через посла в Нью-Дели китайскому правительству сообщили, что местом переговоров могла бы стать наиболее удобная и нейтральная Женева и их следовало бы начать в январе 1989 года.

В начале ноября 1988 г. г-н Ян Мин-фу, глава Единого фронта, сказал г-ну Гьяло Тхондупу, что, хотя обе стороны по-разному понимают некоторые пункты Страсбургского обращения, все же оно может быть обсуждено и возможно принятие какого-то решения.

Однако 18 ноября 1988 года через своего посла в Нью-Дели китайское правительство выдвинуло следующие предварительные условия переговоров:

— Китайское правительство не согласно с объявленным местом и временем предложенных переговоров. Наиболее приемлемым местом для переговоров является Пекин.

— Неприемлем состав делегации из шести членов, возглавляемый Далай-ламой, так как все делегаты всегда занимались раскольнической деятельностью. Невозможно также присутствие датского юриста, поскольку переговоры касаются только внутренних проблем государства.

— Китайское правительство хотело бы вступить в переговоры непосредственно с Далай-ламой. Однако оно также готово принять доверенное лицо Далай-ламы, например Гьяло Тхондупа.

— Страсбургское обращение не может быть основой для переговоров. Предварительные условия проведения переговоров необходимо принять и поддержать таким образом единство «родины-матери». Естественно, что тибетское правительство было разочаровано этим сообщением, поскольку оно не согласовывалось с более ранними публичными заявлениями и официальными сообщениями, присланными китайским правительством.

5 декабря 1988 года тибетское правительство ответило на это следующим образом:

«— Поскольку Китайское правительство предоставило выбор места и времени переговоров Далай-ламе, Он, руководствуясь доброй волей, предложил Женеву как место переговоров и дату их начала — январь 1989 года.

— Много раз, публично и через послания, передававшиеся Тибетскому правительству, Китайское правительство заявляло, что оно намерено начать переговоры с теми представителями, которых назначит Далай-лама, поэтому Тибетское правительство не может понять причину отказа китайской стороны принять делегацию, назначенную Далай-ламой, тем более что назначение членов делегации является прерогативой только Далай-ламы. Д-р Майкл ван Уолт ван Праг — только юрист-консультант и не член делегации.

— По предложению Китайского правительства г-н Гьяло Тхондуп будет включен в состав тибетской делегации в качестве советника.

Честные и серьезные переговоры о будущем Тибета могут иметь место только в случае отказа сторон от выдвижения предварительных условий. Предложения, содержащиеся в Страсбургском обращении, представляют приемлемые и реалистические основания для таких переговоров». В феврале 1989 года в Тибете скончался Панчен-лама, в связи с чем Далай-лама предложил послать в монастырь Ташилунпо в Шигадзе и другие места Тибета, такие как Лхаса, Кубум и Ташикьил, тибетскую религиозную делегацию из десяти человек, чтобы помолиться ради покойного Панчен-ламы и проделать ритуал Калачакры. Китай отказал в этой просьбе, сославшись на то, что молебнов такого масштаба не проводилось и что два руководителя делегации не могут быть приняты, поскольку они являются членами Кашага. Тибетское правительство согласилось исключить их из состава делегации и вновь обратилось с тем же предложением к китайскому правительству.

17 марта 1989 года через китайское посольство пришел ответ: Китай согласился принять только двух или трех лам как представителей Далай-ламы. Но ламы могли посетить только Ташилунпо, к тому же приехав через Пекин; затем, сразу после молебна, они должны были вернуться в Индию. В этом же послании китайское правительство обвинило тибетское правительство в эмиграции в подготовке «волнений» в Лхасе, а также критиковало Далай-ламу за его обращение к руководителям разных стран оказать помощь в отмене военного положения в Тибете.

23 марта 1989 года тибетское правительство передало следующий ответ в китайское посольство:

«Отказ в разрешении религиозной делегации посетить Тибет, чтобы осуществить молебен и совершить ритуал Калачакры ради покойного Панчен-ламы, даже после того, как мы согласились изменить состав делегации и показали необходимость того, что для проведения ритуала Калачакры необходимо определенное минимальное число монахов, явился еще одним отрицательным опытом для нас. Понятно, что посылать только двух или трех монахов не имеет смысла.

Мы также категорически еще раз отрицаем голословное утверждение, что мы виновны в недавних событиях в Тибете и что мы

⁶ Кашаг — совет министров Тибета. (Ред.).

участвуем в террористической деятельности, засылая в Тибет диверсантов и оружие. Мы хотели бы, чтобы правительство (Китая. — *Пер.*) предоставило существенные доказательства этих серьезных обвинений, а также позволило бы независимой международной комиссии посетить Тибет, чтобы определить истинные причины волнений в стране.

Человек имеет право обратиться за помощью, когда он попадает в безвыходное положение, для того чтобы избежать крови и насилия. Его Святейшество Далай-лама обратился к лидерам разных стран, в том числе и к Председателю Дэн Сяо-пину. Хорошо известна его последовательная нацеленность на прямой диалог и мирное решение проблемы.

Мы еще раз призываем Китайское правительство, не откладывая, начать предложенные переговоры. Любая попытка под тем или иным предлогом отклонить их не принесет пользы. Его Святейшество сделал это предложение в июне прошлого года, предполагая начать переговоры в январе этого года. После 5 декабря 1988 года через посольство в Нью-Дели были сделаны письменные и устные предложения рассеять сомнения и ответить на все возражения Китайского правительства. Последнее обвинение в наш адрес в подрыве атмосферы доверия и намеренной отсрочке начала переговоров, по крайней мере, несправедливо.

По нашему опыту мы чувствуем, что Правительство КНР не может еще преодолеть свой авторитаризм и тактику запугивания. Если это будет продолжаться, появится необходимость в третьей стороне предполагаемых переговоров, чтобы быть уверенным, что больше не будет обвинений и запугиваний».

Даже после введения закона о военном положении в Тибете Далай-лама предложил послать нескольких представителей в Гонгконг, чтобы провести подготовительные встречи с представителями китайского правительства. Для создания способствующей диалогу атмосферы Далай-лама попросил заранее отменить военное положение. В ответе, полученном 17 мая 1989 года через китайское посольство, Китайское правительство оправдывало введение закона о военном положении «борьбой с небольшим количеством преступников, виновных в убийствах, разбоях и бандитизме», и заявило о том, что просьба отменить этот закон равносильна поддержке этих «преступников». Далее в ответе говорится, что предложение Далай-ламы о превращении

всего Тибета в зону мира никогда не будет принято; и ничего не было сказано о тибетском предложении по предварительным переговорам в Гонгконге.

На свое предложение о переговорах Далай-лама ждал от китайского правительства ответа два года. Затем, в 1991 году, в своей речи 10 марта Далай-лама предупредил китайское правительство, что, если оно безотлагательно не ответит положительно на Его предложение, то Он будет считать себя свободным от всяких обязательств, принятых в Страсбургском обращении.

25 марта 1991 года через китайское посольство в Нью-Дели китайское правительство было проинформировано, что Далай-лама хочет помочь в поиске подлинного перерожденца покойного Панчен-ламы. Чтобы упростить это дело, китайскому правительству сообщили, что Далай-лама хочет послать делегацию высших лам и настоятелей монастырей к священному озеру Лхамой Лацо, близ Лхасы, чтобы воздать молитвы и наблюдать пророческие образы в озере, которые помогут найти подлинного перерожденца. Более чем через три месяца, китайское правительство ответило, что не видит нужды в привлечении посторонних сил для этого и что перерождение Панчен-ламы будет определено ответственными лицами монастыря Ташилунпо.

Вопреки всему этому негативному опыту. Далай-лама не прекратил своей миротворческой деятельности. В своей речи в октябре 1991 года в Йельском университете Он выступил с новой инициативой, предложив лично посетить Тибет вместе с высокопоставленными китайскими руководителями, чтобы на месте оценить действительное положение в Тибете.

Имея такие же намерения, в декабре 1991 года Далай-лама стремился встретиться в Индии с премьер-министром Китая Ли Пенем. Но и эти позитивные и конструктивные инициативы были отвергнуты.

В свете этих фактов Собрание народных депутатов Тибета 23 января 1992 года приняло резолюцию, согласно которой тибетское правительство в эмиграции не должно было более предпринимать новых шагов в поисках переговоров с Китаем до тех пор, пока не изменится позиция китайского руководства. В резолюции тем не менее отмечалось, что тибетское правительство не будет иметь препятствий для переговоров, если предложение о них будет исходить или непосредственно от китайского правительства, или через посредника.

В апреле 1992 года китайский посол в Дели позвонил г-ну Гьяло Тхондупу и сказал ему, что раньше позиция Китая была «консервативной», но что она могла бы быть более «гибкой», если бы тибетцы смогли бы быть «реалистичными». Затем он пригласил г-на Тхондупа посетить Китай. В июне 1992 года с разрешения Далай-ламы и тибетского правительства в эмиграции г-н Тхондуп отправился в Пекин.

После своего возвращения он доложил Далай-ламе и Кашагу о своих встречах с китайскими официальными лицами. Его доклад обсуждался на третьей сессии Собрания народных представителей Тибета. Но не произошло того, о чем говорил китайский посол г-ну Тхондупу: признаков гибкости в позиции китайского правительства не обнаружилось. На самом деле были сделаны очень серьезные обвинения в адрес Далай-ламы и тибетского правительства в эмиграции. Поэтому появилась необходимость послать в Китай делегацию во главе с г-ном Тхондупом, чтобы объяснить и разъяснить позицию правительства в эмиграции по вопросам, поставленным китайским правительством. Делегация также должна была доставить личное письмо и подробную ноту Далай-ламы Дэн Сяо-пину и Цзян Цзе-мину. Была назначена делегация из трех человек, она встретилась 17 сентября 1992 года с Чен Жуй-шеном, китайским послом в Нью-Дели, чтобы обсудить подготовку к переговорам.

Далай-лама и тибетское правительство твердо верят в то, что существует единственный способ начать переговоры по мирному решению проблемы Тибета,—это переговоры без предварительных условий с обеих сторон. Обнадеживает то, что многие правительства поддерживают эту позицию.